

# СМЕНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

7

1960

Владимир Ильич Ленин выступает  
с речью с трибуны на Красной площади  
в день празднования первой годовщины  
Великой Октябрьской социалистической  
революции.

Москва, 7 ноября 1918 года.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

7 АПРЕЛЬ 1960

Год издания тридцать седьмой



## ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

С этого номера «Смена» будет выходить в увеличенном объеме, на 32 страницах; цена номера прежняя — 2 рубля.

«Смена» сможет полнее и ярче рассказывать о наших замечательных буднях, о жизни, труде и учении молодых строителей коммунизма.

«Смена» обращается к вам с просьбой: присылайте свои пожелания, советы, замечания по содержанию и оформлению журнала.

«Смена» хочет знать ваше мнение о том, как журнал освещает жизнь молодежи, появление ростков нового, коммунистического в нашей действительности, становление новой, коммунистической морали.

«Смена» спрашивает: какие новые разделы хотели бы вы видеть в журнале, какие волнующие вас темы хотели бы обсудить на его страницах?

«Смена» с большим вниманием рассматривает каждое ваше пожелание и предложение. Присылайте свои рассказы, очерки, статьи, стихи, фотографии, рисунки. Пишите в «Смену»!

← Этот снимок публикуется впервые

О том, как были сделаны эта и другие неизвестные ранее фотографии в. и. ленина и как редакция «Смены» удалось разыскать их, читайте на стр. 2.

Об этом узнали в Москве и в Нью-Йорке,  
в полях и уюте квартир.  
И вот, пораженный,  
советской четверке  
заплодировал ммир.  
Мощней океанский —  
в радостном гуле —  
восторженный вскопнулся аял...  
А если б не случай,  
если б не буря,  
никто бы о них и не знал!

И многое подвиг их людям откроет —  
ты пристальной в лица гляди:  
как много у нас  
неизвестных героев,  
чей подвиг еще впереди!  
Пусть зауряды, злая, облака грозные,  
пускай негогода ревет...  
Да здравствуют  
нашей страны рядовые, —  
обмыновенный народ!

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

*Они спасли Тоню*

**ЭТО ОЛЕГ СОКОЛОВ**

*Его появление на свет вызвало к жизни новый обычай у комсомольцев завода «Серп и молот» (стр. 14).*

**БОЛЕЛЬЩИКИ! ЭТО ДЛЯ ВАС!**

Статья заслуженного мастера спорта **КОНСТАНТИНА БЕСКОВА** «Стадионы ждут...» публикуется на стр. 22.

**ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ**

рассказ  
**А. И. КУПРИНА «Бальт»**  
(публикуется впервые)  
и рассказы  
**Дмитрия Холендро,**  
**Юрия Нагибина**

Откройте стр. 16.

Навстречу  
90-летию  
со дня  
рождения  
В. И. ЛЕНИНА

# ЛЕНИН В ВОСРЕ

СНИМКИ СДЕЛАНЫ В НОЯБРЕ 1918 ГОДА—

## ПИСЬМО ИЗ ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКА

Однажды в феврале, разбирая редакционную почту, мы обратили внимание на небольшой серый конверт с двумя подчеркнутой надписью «Осторожно, фото!».

Мы вскрыли конверт и не увидели никакой фотографии. Там оказалось письмо, написанное на небольшом листке, выравном из тетради, и еще один конвертик, свернутый из плотной бумаги. В письме было сказано следующее:

«Посылаю вам и Ленинским дням негатив. Кажется, это выступление Ильича на Красной площади осенью 1918 года. Снимал отец моего товарища, и если понадобится более точные сведения, я постараюсь узнать. В. Горбовский.»

Мы осторожно вскрыли маленький конверт и увидели пленочный негатив размером 4,5×6 сантиметров. Посмотрели на свет: Ленин! На высокой трибуне у Кремлевской стены Ильич в знакомой всему миру позе страстного оратора. Он говорит с народом. Он весь в горении, весь в порывистом движении.

Через час мы уже были в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Сотрудник института внимательно рассматривает негатив.

— Это исключительная находка,— говорит он нам.— Такого негатива в наших фондах нет.

— А нельзя ли установить точную дату снимка? — А можно. Ленин выступал 7 ноября 1918 года. У нас есть фотографии, сделанные в этот день, но такую видим впервые.

И вот эти фотографии перед нами. Тогда народ России, впервые в истории человечества сбросивший иго капитализма, праздновал годовщину Октябрьской революции, свершенной под руководством партии большевиков, свершенной под руководством великого Ленина.

Один из снимков, которые мы видим в Институте марксизма-ленинизма, удивительно похож на негатив, только что полученный нами. Правда, на негативе, присланном в «Смену», Владимир Ильич сфотографирован с другой точки и в иной позе, чем на снимке, показанном нам сотрудником института.

Мы долго рассматриваем снимок, хранящийся в Институте марксизма-ленинизма. Вглядываемся в лица людей, с большим вниманием слушающих слова. Среди них замечаем трех человек с фотоаппаратами: двое стоят около самой трибуны, третий — в отдалении.

— А это что за люди? — спрашивает у сотрудницы института. Тот разводит руками:



Это второй снимок В. И. Ленина, сделанный А. С. Суенко на Красной площади 7 ноября 1918 года. Первый его снимок опубликован на второй странице обложки.

Снимок публикуется впервые.

— Увы, о них нам ничего не известно...

В тот же день редакция отправила письмо в Днепродзержинск товарищу Горбовскому. Мы просили его сообщить все, что он знает о человеке, фотографировавшем В. И. Ленина в день празднования первой годовщины Великого Октября.

Ответ получен был очень быстро.

«Ваше письмо для меня — приятная неожиданность,— писал товарищ Горбовский.— Я не думаю, что этот негатив — единствен-

ный в своем роде. Негатив этот хранился у меня с 1953 года. Мне его передал на хранение товарищ, уезжавший в длительную командировку. Снимок сделал его отец, А. Суенко, который жил и поныне. Он пенсионер, живет в Ташкенте...»

Получив это письмо, мы немедленно позвонили на междугородную телефонную станцию.

— Нам надо соединиться с Ташкентом.

— Пожалуйста,— ответила девушка.

— В Ташкенте нам нужно вы-

звать на переговорный пункт товарища Суенко.

— Имя, отчество, адрес? — К сожалению, имени, отчества и адреса его мы не знаем.

— Заказ принять не могу,— сухо отвечает девушка.

До сдачи номера в набор остались считанные дни. Мы просто не успели бы навести справки через адресный стол: для этого понадобился бы не один день.

— Видите ли? — сказали мы девушке с телефонной станцией,— обнаружена неизвестная фотография Владимира Ильича Ленина. А у товарища Суенко, который живет в Ташкенте, возможно, есть еще неизвестные снимки Ленина. Вот в чем дело...

— Неужели нашлось неизвестное фото Ильича?! — обрадовалась девушка. От пренежного суемого, официального тона и следа не осталось. — Хорошо, — сказала она, — ждите. Постараюсь помочь.

## У ТЕЛЕФОНА СУЕНКО

И она помогла! Через некоторое время девушка позвонила в редакцию и сказала:

— Александр Семенович Суенко у телефона. Говорите.

СМЕНА. Здравствуете, Александр Семенович?

СУЕНКО. Здравствуете.

СМЕНА. Мы получили ваш негатив, на котором запечатлен Владимир Ильич.

СУЕНКО. Как он попал к вам?

СМЕНА. Нам прислал его товарищ Горбовский, друг вашего сына.

СУЕНКО. Так-так... Чем же я могу быть вам полезен!

СМЕНА. Александр Семенович, а нет ли у вас еще снимков Ленина?

СУЕНКО. Есть.

СМЕНА. Вы не будете возражать, если мы поместим ваш снимки у нас в журнале?

СУЕНКО. Буду очень рад.

СМЕНА. Тогда мы сегодня же вылетаем к вам.

СУЕНКО. Жду.

СМЕНА. До свидания, Александр Семенович, до завтра.

СУЕНКО. До завтра.

## ЧУДЕСНАЯ ШКАТУЛКА

Ташкент. Улица Кафанова, 56. Деревянный дом с верандой, уютной прошлогодней, увидевшей зеленую. Много солнца, ласкового, уже по-весеннему щедрого.

На крыльце им встречает высокий седой человек в спортивном костюме.

Мы смотрим на него и думаем: «Где же его видели? Мы его ви-

# НА ДВАДЦАТОМ ГОДУ

## НАЙДЕНЫ В МАРТЕ 1960 ГОДА

дави—это совершенно ясно. Но где же! Гей Стон! Красная площадь. Трое с фотоаппаратами около трибуны, с которой выступает Ильич... Один из них—высокий, в кожаной куртке и пальто—както-то удивительно напоминает встретившего нас Суетенко. Неужели?..

Здороваемся с Александром Семеновичем и спрашиваем его:

— Скажите, а вы в тот день, сороч два года тому назад, на Красной площади были в пальто и кожаной куртке?

Минута молчания. Потом Александр Семенович выносит из соседней комнаты шатунку и неторопливо перебирает лежащие там фотографии. Протягивает нам одну из них.

— Вот камин в тогда был,— улыбается, говорит Суетенко.

Пожой! Он, тот самый! Тот, которого мы видели на снимке.

— Подождите, подождите,— вдруг спрашивает Александр Семенович,— а откуда вам известно, как я был тогда одет?

Мы рассказываем товарищу Суетенко о снимке, который нам показали в ИАЛ. Он внимательно слушает нас, а потом достает из шатунки еще несколько фотографий и негативов и осторожно кладет их рядом на стол.

— Вот,— тихо говорит он,— смотрите. Все это я фотографировал а тот же день.

Среди снимков, сделанных Александром Семеновичем Суетенко на Красной площади 7 ноября 1918 года, мы с волнением и радостью обнаружили еще две фотографии Владимира Ильича Ленина, нигде и никогда до этого не публиковавшиеся.

Александр Семенович снова уходит в другую комнату и возвращается с маленьким «Кодаком». Кладет его на стол, возле негативов, и поясняет:

— Этим вот аппаратом я Ильича нашего фотографировал...

— Вы в те годы были фотографом, Александр Семенович?

— Нет,— качает головой Суетенко,— я в те годы другим делом занимался...

### «ГЛАВНЫЙ САДОВНИК» МОСКВЫ

Он никогда не был профессиональным фотографом. Он агроном-растениовод. Когда победивший пролетариат приступил к организации своего государства, агроном Суетенко пришел в Моссовет и сказал:

— Я уже растил цветы и дерева. Нужен я революции?

И ему ответили:

— Ты нужен революции, товарищ. Называем тебя начальником зеленого хозяйства столицы.

Красные солдаты дрались с врагами всех мастей, заседавшими на молодую Республику Советов. Голод и разруха достались революционерам в наследство от Романовых и Керенских. Саботаж развевал государственный аппарат. В неимоверных лишениях и тяготах, с осмушкой ржаного хлеба народ сражался за будущее, за счастье, за мир и коммунизм.

Но даже в те труднейшие для страны дни Ленин думал о будущем. Великий, дерзкий мечтатель, он смотрел далеко вперед, он видел то, что грядет. И уже тогда Ильич начал заботиться об озеленении городов нашей страны, он уже тогда думал о создании розариев и оранжерей, о посадке деревьев в Москве. Он уже тогда начал заботиться о том, чтобы жизнь стала новой, чтобы жизнь была все в весеннем цветении!

— Немало тогда мы деревьев в Москве посадили,— вспоминает Александр Семенович.— Между

прочим, и яблони в сквере около Большого театра тогда же появились.

Некоторые из них посажены мною... Весной раз, когда я приезжаю в Москву и вижу эти яблони, в памяти моей возникает дорогой образ Ленина. Владимир Ильич очень любил цветы. Зная об этом, я посылал ему с садовником осыном хризантемы, а зимой белую сирень. Эти цветы больше всего нравились Ильичу... Как я сейчас жалею, что сам не отнес им! Но я не хотел тогда, чтобы Ленин знал, кто ему присылает цветы. Ведь делая я это с единственной целью—чтобы Ильичу было приятно, чтобы мои цветы доставляли ему радость...

У Александра Семеновича, кроме его основной работы, в которую он вкладывал много любви и стараний, была еще одна страсть—фотография. В свободное время он с увлечением учился снимать. Когда наступил день празднования первой годовщины Октября, главный московский садовник, как его в шутку называли товарищи, захватил с собой фотоаппарат и, протиснувшись к трибуне, на которой Ленин произносил речь, делал несколько снимков...

На фотографии, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма, отчетливо видны три человека с фотоаппаратами. Один из них—А. С. Суетенко (в круге). До сих пор неизвестно, кто же двое других фотографов. Редакция «Смени» надеется, что читатели журнала помогут их найти. Справа вверху—А. С. Суетенко в 1960 году. Справа внизу—портативный аппарат «Кодак», которыми были сделаны публикуемые в этом номере фотографии В. И. Ленина.





лате: негигиенично. Но ребята не сдавались. Аргументам докторов они противопоставили свои. Надя Форшова «сразила» медиков своим доводом: «Главное — моральный дух!» Это против этого скажешь?

Установить электр. поручили электрикам Феде Пестову и Виктору Мажарову. После работы они украсили ее, провали электричество.

— С Новым годом, Тоня! Тоня часто заморозила и прикусила губу. На подушку горошинной скатки слезла.  
Выдели вы когда-нибудь раневую чайку? Упругие крылья птицы еще бьются о волны. Вазах, другой — она поднимается над морем... с прозитивным криком падает в волны. А стая волнуется, шумит. В птичьей тревоге за своего товарища есть что-то очень трогательно.

Но это чайки. Гордые, но слабо летают. А под... Люди всегда могут спасти человека, если захотят. Весь день Миша Староселецкий, секретарь комитета комсомола металлургического комбината, не отходил от телефона. Почему-то под Новый год секретарь вдруг стал нужен всем. Торопили из цехов:

— Где билеты на новогодний бал!

Торопили из горкома:  
— Рейд по электроэнергии надо провести в этом году! Михаил уже собрался было уходить, но снова раздался звонок. На этот раз из больницы. Врач, лечивший Тоню, объяснил, что состояние девушки резко ухудшилось.

— Началось отравление организма. Нужна пересадка кожи. Иначе... вы понимаете? Требуется несколько доноров. Поговорите с молодежью. Объясните: так надо. И, пожалуйста, поторопитесь... Миша положил трубку, задумался.

Пойдут ли ребята на это? Нас, комитетчиков, пугало. Но наверняка не у всех одинаковая группа крови. Что же дальше?

Может, оно плохо знал еще своего комсомольца, но он сохранился честно, искренне. Не успокоило его и суровое молчанье секретаря комсомольских организаций, которые собрались вечером в комитете. Утром следующего дня он уже сам смеялся над своим вчерашним сомнением.

Не умолкая, в комитете трезвоנית телефон. Миша Отмахов, из второго мартиновского, допытывался:

— Когда надо идти? Сколько человек!

Тоня Хаостенко, из центральной лаборатории, то и дело повторяла:

— Можно ли девушек? Можно ли девушек!

Смакуывается, у них только что состоялось комсомольское собрание, и все решили идти на осмотр. Петр Бочуля, комсорг ремонтного цеха, докладывал:

— Прошли смены собрания. Добровольцев хоть отбавляй.

Чей-то приглушенный голос спрашивал:

— Мне сорок лет. Как? Подойдет? — И, получив отрицательный ответ, тяжело вздохнул: — Ничья...

О случившемся знал весь комбинат. В день, когда проходил осмотр добровольцев и определение у них нужной группы крови, в больницу началось паломничество. Ребята и девочки из разных цехов комбината все шли и шли. Врачи взмолились:

— Товарищи, нам же надо десять — пятнадцать человек!

У палаты, где проводился анализ, выстроилась длинная очередь. Каждый, кто выходил из кабинета, встречали нетерпеливыми взглядами: «Ну, как?»

— Порядок, первая группа!

— А у меня вторая... Ну, почему? Почему?

Это жаловалась Диня Лысая из котельного цеха ТЭЦ Инна Сарапулова. Вид у нее был такой, словно она получила двойку на экзаменах.

А очередь не уменьшалась. Приходили все новые и новые. Гардеробщица запринтала:

— Да куда ж столько! Остепенитесь! Попол коридор людей!

Но ребята все шли и шли...

У трех девушек подряд оказалась первая группа крови. Ребята взбунтовались:

— Хотите пускать девочку!

— Как так! Давайте по справедливости! Мы тоже хотим помочь Тоню! — зашумели девушки.

— А мы разве не хотим! — отставал требование ребят Анатолий Цуканов. — Я вот комсомолец.

Цареву в глаза никогда не видел. Но ведь надо помочь человеку!

Девушкам операцию трудней переносить. Пусть уходит. А нам — чепуха!

Однако девушки не сдавались.

Тогда заключили компромиссное решение — всем, в порядке очереди пройти медосмотр.

Их записалось семьдесят четыре. Семьдесят четыре человека добровольно пришли отдать свою кожу больному товарищу.

И было ясно: если бы понадобилось сто человек — пришло бы двести. Если нужны двести — триста.

Что же те десять, которых врачи отоборали для операции? Может быть, они какие-то особенные люди? Да ничего подобного! Это самые обыкновенные парни и девушки.

Диня Лысая — машинист котла. Учился на первом курсе вечернего политехнического института. Сергей Данилов — также студент политехнического института, собирается ехать учиться в Свердловск. Анатолий Цуканов — каменщик из второго мартиновского цеха, член бригады, борющейся за звание коммунистического.

Из этого же цеха Станислав Щербakov, подручный сталеваара. Меня Степанова из механической мастерской. Гаяя Зорнина — машинист транспортера цеха топливподдачи. Фаяя Бахтина из цеха водообнаживания. Николай Сазонов — слесарь котельного цеха.

Сергея Воробьева — дежурный слесарь цеха топливподдачи. И самый вложивший из всех — каменщик Александр Берлизов, ему 26 лет.

В день, когда началась операция, у Сергея Воробьева поднялась температура. Врачи отказались брать у него кожу.

— Идите домой. Лечитесь.

Сергей возмутился:

— Не будьте бюрократами!

— Нельзя, понимаем, нельзя! — прикрикнул хирург.

— Никуде не пойду! Умару, но никуде не пойду! — бунтовал Сергей. — Ну, прошу вас, дайте мне таблеточку, еще что-нибудь, и все пройдет.

Врачи были непреклонны.

А Сергей так расстроился, что действительно разболелся.

Операция по пересадке кожи продолжалась шесть часов. Ребята держались мужественно. Анатолий Цуканов даже советовал хирургу:

— Не стесняйтесь, доктор. Берите побольше, берите...

Прошло несколько дней после операции, и Тоня Цареву стало лучше. Когда врачи разрешили ребятам вставать, они пришли к девушке. Расселись кто где мог, шутили. Кто-то даже пытался залезть. На него цыкнули. Потом Тоня произнес речь:

— Густь, кто есть у нас хорошего, привяжите к тебе, Тоня.

А Тоня смотрела на ребят и слабо-слабо улыбалась...

Ев. СПЕХОВ

Н. Тагил — Свердловск.

Станислав Щербakov



Дмитрий Лысый



Евгения Степанова



Николай Сазонов



Галина Зорнина



Сергей Данилов



Анатолий Цуканов



Фаяя Бахтина





Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рассказ

Рисунки А. Ливанова.

1

Над морем осторожно редел сумерки утра.

Ковалев сбился с обрыва, почти не видя тропы, только слыша, как перед ним осыпаются камешки. На припале сразу стоакнулось со сторожем Анисимом.

Мокрый плащ захрустел на визгливом старике, как жестиной.

— Здравствуйте! — крикнул Ковалев. — Где «Гарага»?

— А нугу! — засмеялся старик. — Как нугу? Почему нугу?

— Давно отдала концы «Гарага»! Оподала.

— Вот еще! Они ж должны были взять меня с собой! В море...

— Забыла, значит. А вы кто будете, живненько, спрону?

— Колочия Бродячиха старика коснулася лица Ковалева.

— Эх, Анисим Макарыч, совсем у нас худо с глазами стало, а?

«Этo ж и, Тимея Ковалева!»

— Как-никак! — по-мальчишески визгнула дед. — Само секретаря райкома, комсомольского капитана забыли! Что ж такое?..

Но ты... это... не сердись, Тимофей. Пруина! Мать родную забудешь, не то что... А «Гарага», та и вовсе, сам знаешь, больше всех в море. Умотался Грisha чуть не с самого вечера.

— Я знаю, почему он умотался, — подумала Ковалев и полус лязга в гору. — Надо было и мне приехать с вечера... Но почему надо? Потому что Катя просила? Вот еще!

Мало у меня бес нем дед развел... С Грিশкой Тимофеей познакомилася задолго до того, как в Опасный мыс приехала Катя. Жилосея Тимофеево волонство: ходил себе на кораблях в неистовое море; где поругивалася с бригадами, что они молодых рыбаков больше мерят, чем учат; где забирал с корабля смешливого паренка, привозил с собой в город, на курсы киномехаников, а потом запуская

на большом сейнере бездействующую до тех пор киноустановку, где ставливался с таким вот Грিশкой...

Высокий, худощавый, с черной головой, которому он при разговоре держал чуй набок. Грisha — он плавал матросом — усадеа с ним на верхней палубе сейнера и пошел чествить старых морских братьев, безупречный кефал у Балакавыа, летом сумбурно в нейтральных водах, а осенью громыхая зловских дук кавказских берегов. Грisha горничал и орал, что старьяе бригады — рыбаки инкудышние: техники пугаются. Сеть кладут с лодок, а не с сейнеров — боится, как бы не винт те намотят.

А тро Катю они тогда еще оба ничего не звали...

Ковалев добился, чтобы Грisha дали бригаду и сейнер. Нелегко согласился на это — предостелом Разувелем. Где бригада, там и лавка!

А какую рыбу вытнут молодые рыбаки, скажите-ка?

Не сразу слыла и сам Грisha. У него была няня мечта — уйти в далекие моря. Ама тогда просидел он ради этой мечты в стенах мореходного училища и еще метил на штурманские курсы.

— Наплавая свой матросский стаж — и пока, Кланус!

Есть бы не Катя, он давно уехал бы...

В тот самый вечер, когда Разувелем сказал Грিশе: «Вот тебе сейнер, да смотри в оба!» — Грisha завалася с бригадой в городской ресторан «Прибой». Молодые рыбаки сдвинули stools и так гуляли на радость, что утром очутились на пеминном полу самой большой комнаты отделения милиции. Предостелель прикатил за ними на грузовике, и Грisha только тью спросил:

— Итнат Савельевич, можете мне в морду дить?

Предостелель повернулся к нему спиной.

— И на том спасибо, — горько сказал Грisha. — А что вы мне теперь доверите?

— Швабу! — крикнул Итнат Савельевич.

— Есть швабу! — ответила Грisha.

Голова его была откинута, и космы волос граничили прета и блеска свешивались набок.

— Стядно мне, Кланус! — сказал Грisha.

— Ты, оказывается, слыница? — спросил Ковалев.

Грisha пматкула носом, прикидываясь, что страдает.

— Сорвался! — И вдруг хахалю уаинулся! — Отцовская кровь! — И ушол, делниво-указывая вперед ноги.

А Разувелем обидно-указываяе похлопал Тимофее по плечу.

...С остервенением отжимал Грisha морскую швабу, вступая на ее комодные веревочные палки боюей ногой, а по вечерам гна з «Прибой» или на квартиру у буфетчицы Зиночки, с которой крутила любовь. Серые глаза ГрISHи мутно белели, руки дрожали. Он сброс борозды. За полончю возвращался от Зиночки в Опасный мыс и, чтобы не просить отхода своего сейнера, забирался в пустой дом у моря, прозванный рыбаками «Сколкахой».

Рыбаки, приходящие в «ожидалку» перед рассветом и коротавшие там в напиресками в збухте те минуты, пока собиралась вся бригада, с трудом поднимали ГрISHу с пирской деревянной скамьи.

Он садился, оживал и тут же принимался считать дни и весело хвастать, что уже совсем скоро поступит на курсы штурманов, а тсда — до свидания. Говорят, где-то в Италии, на острове, есть голубое чудо — пещера, заполненная водой талого разгулового цвета, что люди забывают все слова и

только визжат от восторга, словно маленькие дети. В ту пещеру итальянцы возят на плоских тоненьких лодочках только хребцов, потому что вет дугого хола, кроме как с моря. Ложатся на дно лодки плашмя, кладут враска и вместе с волной прибой врываются сквозь узкую дыру в отнесенной скале в голубой огонь, в голубую пропасть...

— Там я и уютно ко всем чертам! — закаичивала Грisha свой рассказ, а рыбаки смеялись.

Ни на курсы, ни в далекое плавание ему уже было, наверно, ни за что не пойдеть. Если он и застался еще, так только со стада.

Ковалев чувствовал это всем сердцем, но не знал, как к нему подступиться, хотя очень хотелось.

— Как-то он застал ГрISHу в мориде, далеко и ресторанчика его Разувелем даде, будто рад встрече. Соли на скамье вдвоем в пустом доме. Заснували.

— Как живи?

— Поемслочечку, — ответила Грisha.

— Что так? В твои годы надо шибко жить.

— Тимофеей, — сказал Грisha. — Мы с тобой ровня по возрасту. И ничего мне глаза своей любовью замаяивать! Я тебя люблю. Отвалился, значит, и забуду! Другие есть, Сколкахо хочешь. Показать, что да?

— Подожди, — возразила Тимофеей. — Других я сам вижу. Но мне неядь тебя жалко.

— За здоровье мое беспокоилска? Так я крепкий.

— Говорят, дурному сила дана.

— С дурного и спрос несть. Тимофеей пожаля печамми.

— Хотел говорить по-честному, а сам хривалась. Зачем?

— Нивнивсясь.

— Брось гить, Грisha.

— Не могу.

— Как это не могу? Почему не могу? Отчего ж ты пещь?



# СТИХИ СЕРГЕЯ АРТАМОНОВА

— Видно, на море холодно.  
— Опять бузвиль?  
— Пью с привичкой.  
— Морской вокз. Тут самый,  
что техника боится! Всю судьбу  
пропнешь, Гриша.  
— Не бери на пушку, Тимофей.  
Дешево...

— Ты парень умный, пойми, ка-  
кая же тут пушка? Выгонят тебя  
твои же друзья из комсомола, вот  
и все.

— За что? — Гриша выпрыгнул  
и, бледный, отпихнул голову. — Я  
посуду не беру.

— Как балласт, — сказал Тимо-  
фей. — На кой нам черт такой ком-  
сомолец?

— Пугавши? — сказала Гриша.

— Нет.

— Покланись!

— Все же ты дурак, — сказал  
Тимофей, — или ребенок. Пора б  
вырасти...

А может, Кате и понравилась в  
нем эта детскость...

В другой раз Тимофей зашел к  
нему домой, но не застал никого:  
ни самого Гриши, ни его матери.  
А дверь была открыта. На стене,  
над кроватью, висел барометр.  
Рядом в золотом багете красо-  
урались мореходный диллом. Его  
оказывали фотоснимки разных лиц,  
обгоревшие по самые уши и затыл-  
ки. Деревянным фотографиям  
всегда тесно в рамках...

Со стены смотрел на Тимофея  
мрачный человек — соинные глаза,  
открытые губы.

— Это мой отец, — раздалось за  
спиной Тимофея.

— Доподлаюсь, — сказала Тимофей.

— Умер от водки, — смеясь, ска-  
зал Гриша. — Уснул и не проснулся.

На него шесть ведев воды выла-  
ли, — не помогло. Чуждой!

Гриша ныло шатался, жесткую  
ловил длинными руками, потом  
сел за стол и захныкал тоненько,  
как грудный ребенок.

— Прощай на тебе смитреть, —  
сказал Тимофей, уходя.

Удивительно, никогда Гриша не  
выходил пьяным в плавание! А в  
редкие трезвые дни на берегу он  
причесывался, шата в школу и  
браб кнети у старушки-библиоте-  
карши. Он читал их в море.

## 2

Катю издавка прислали учте-  
льницей в Опасный мыс. Со  
станции она сначала зашла в рай-  
ком комсомола. Варут появились,  
необыкновенная. Коса золотистая,  
топастая, как морской кашкет. А гла-  
за голубые, бесшарные... Помылаи  
так, что смотреть в них долго не-  
возможно: начинала кружиться го-  
лова... Откуда так?

Таких глаз и такой косы Кова-  
лев никогда не видел.

Он проводила новую учительни-  
цу до автобусной остановки, ска-  
зав, что идет домой и это по пу-  
ти. Катя уехала, а он вернулся в  
райком.

Что-то неважное стало творить-  
ся с ним. Все время вспоминал и  
вспоминал Катю, ее глаза и косу.

Через три дня Ковалев поехал в  
Опасный мыс.

Зачем? Больше нельзя было от-  
кладывать разговор о Грише и его  
судьбе. Он разговив в поселок и  
договорился о собрании. Но в до-

## ЛЕТСЯ УЛИЦА...

Летсы мое улица широкая,  
Улица рабочего рокога,  
Многодверная, многокожная —  
Пешая, машинная, конная.  
Гулкая моя, торцовая,  
Улица еще отцова.

Улица моей матери летсы,  
Тихая, вечерняя, черная.  
Прокормеку вслед смеется  
Парамя обрученными.

Я родился на этой улице,  
Любил ее, неширокую.  
Голуби мои не волнуются  
От ее рабочего рокога:  
Мои голуби в небе плавают  
Над крышами покатым.

Улица моя небогатая,  
Самая в городе главная.

\* \* \*

Песня, запевая невпопад,  
В размашистой ритмике острых полат,  
В мельнящих полов,  
В громадиных дия.

Песня, запевая возле меня,  
Возле плеч и возле щек.  
А я горяча не умею щадить:  
Камень — так камень.

Бревно — и бревно!  
Руками, кирками — не все ли равно!

Мы долбим траншею под водопровод, —  
Здоровый, умелый, веселый народ.

А день облака раскалил дробля,  
И тонко звенит заводная пчела,  
И песни, запевая невпопад,  
Рифмуют удары ломов и полат.

\* \* \*

Здравствуйте, а!  
Зима!  
Лыжная, лыжная,  
Нежная, нежная.

А реки — неслышные,  
А роци — подснежные.  
И пальчики в варежках  
Тверже бамбука...

Утром  
Хозяюшка  
Сыграет побудку —  
И ну-ка!  
И к чаю — горячая булка.

Айда мы аукать  
По лесу ватагой!  
И щелкать бамбуком.  
По ярким бумажкам —  
Развешенными веткам  
По влочным веткам...

Меня и тебя —  
Нас  
Уводит лыжня.  
Мы — двое,  
А где-то стучит порожник.  
Ты слышишь — синица...  
Ты видишь — снега...

А ночью  
Приснится  
Нам баба-яга...

Впервые Сергей Арта-  
монов обратил на себя  
внимание летом 1936 го-  
да во время Всероссий-  
ского совещания моло-  
дых поэтов в Смоленске;  
невысокий паренек в  
солдатской шинели чи-  
тал стихи о военной  
службе, о труде, о ро-  
дной природе.

Сергею Артамонову  
24 года. Он был нача-  
ром, грузинком. Недавно  
демобилизовался и сей-  
час работает элентро-  
монтером, учится в ве-  
черней школе.

Для Артамонова ха-  
рактерны «веселая, зря-  
мая» груста слова, не-  
привычная угловатость  
стиха. Он стремится по-  
слусию осмысливать мир,  
он еще в поисках своего  
голоса, но в лучших его  
стихах этот голос уже  
ощутим.



Александр МАКАРОВ

## В ПОРТУ

Над портом ночь гигантской толщины  
И плотности, испытанной на ощупь.  
Проектора над портом зажжены,  
Грузовик, чуть видимые ночью,  
Гремя и воя, двигают огни.

Чугунные тумб трюсами скрутив,  
Гонят джиз торгующие страны.  
И, шевами вытравивая и чинам,  
Неторопливо подползают краны.

Из чрева трюмов на фонарный суд  
И дальше — в полночь затонувших пирсов —  
Румястые громадины несут  
Тюки, как несомые трюмци.

Ночных работ кружащийся мотив,  
Наполненный командам и потоам,  
Невидим, неслышимо летит  
Над полупочным, над горящим портом.

## ВЕЛЬ

Сети на ночь закину,  
Мостер мошкяру соберет,  
Лягут реке на спину  
Отблески поперек.  
Эхо на Вель великое...  
Спыхать далеко-далеко...  
Эхо летит безликое  
Над рекой.  
Утопили в тонях сети донные.

Сосны монотонные-монотонные  
Все ночь шумят ветрами,  
Сосны дуауют.

Дожидаю звезду мою.  
Она выйдет оттуда, из темноты —  
Волосы мокрые от воды,  
Руки сильные, смелые,  
Переплывшие полночь ко мне,  
Ноги белые-белые,  
Осторожные меж камней.

Вель течет-катится,  
Плывеется изредка —  
Голубое пятлыце  
В белых искорках.



Владимир Ильич Ленин на Красной площади 7 ноября 1918 года.

Фото А. Суевенко.

Снимок публикуется впервые.

На открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 года присутствовали делегаты VI Всероссийского съезда Советов. Среди них — Яков Михайлович Свердлов.

Фото А. Суевенко.

Снимок публикуется впервые.

с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы».

Как писала тогда «Правда», заключительные слова речи В. И. Ленина были встречены бурными аплодисментами, переходящими в овацию, и криками «Победа или смерть!»

Потом начался военный парад и торжественное шествие демонстрантов со всех районов столицы. С песнями победившей революции рабочие и солдаты прошли по площади мимо седых кремлевских стен с твердой верой в будущее, с верой в грядущее счастье. Эту веру вдохнул в их сердца великий гений Ленина.

Праздник первой годовщины пролетарской революции прошел с небывалым подъемом. Радость, охватившая трудовую Москву, не знала границ. «До поздней ночи оживленные толпы народа наполняли улицы, устраивались летучие митинги, импровизированные хоры», — писал корреспондент «Правды». — Бурным восторгом встречались рвущиеся ракеты. Москва не видела еще такого шумного, неподдельного уличного веселья. Наш праздник, наш первый великий праздник удался на славу.

С тех пор замечательная традиция праздновать годовщину революции на Красной площади, там, где Ильич выступил в грозном во-

семнадцатом году, неизбежно соблюдается нашим народом.

И если сначала по площади проходили демонстранты с карикатурными фанерными макетами белогвардейской нечисти, разбитой ударами Красной Армии, то потом на смену пришел первый отечественный трактор. А следом за первым трактором по Красной площади проплыл огромный транспарант — панно строившегося Днепростроя. Иные праздничные колонны демонстрантов несут по Красной площади макеты атомных электростанций, космических ракет и искусственных спутников Земли...

Сорок два года прошло с тех пор, как Ильич провозгласил на Красной площади: «Победа или смерть!» Сегодня мы видим победу ленинских великих идей в небывалых свершениях семилетки, в пафосе коммунистического строительства, в ленинском грандиозном размахе наших планов и дел.

И каждый раз, проходя по Красной площади с рапортом побед, мы чувствуем Ильича рядом. Мы чувствуем его канцелярски и ажурно на стройках Сибири, на целинных полях Алтая, на борту атомного ледохода, в тайге у Абакана. Ленин с нами. Ленин всегда с нами, потому что Ленин жил,

Ленин жив,  
Ленин будет жить!



## ЛЕНИН В ВОСЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

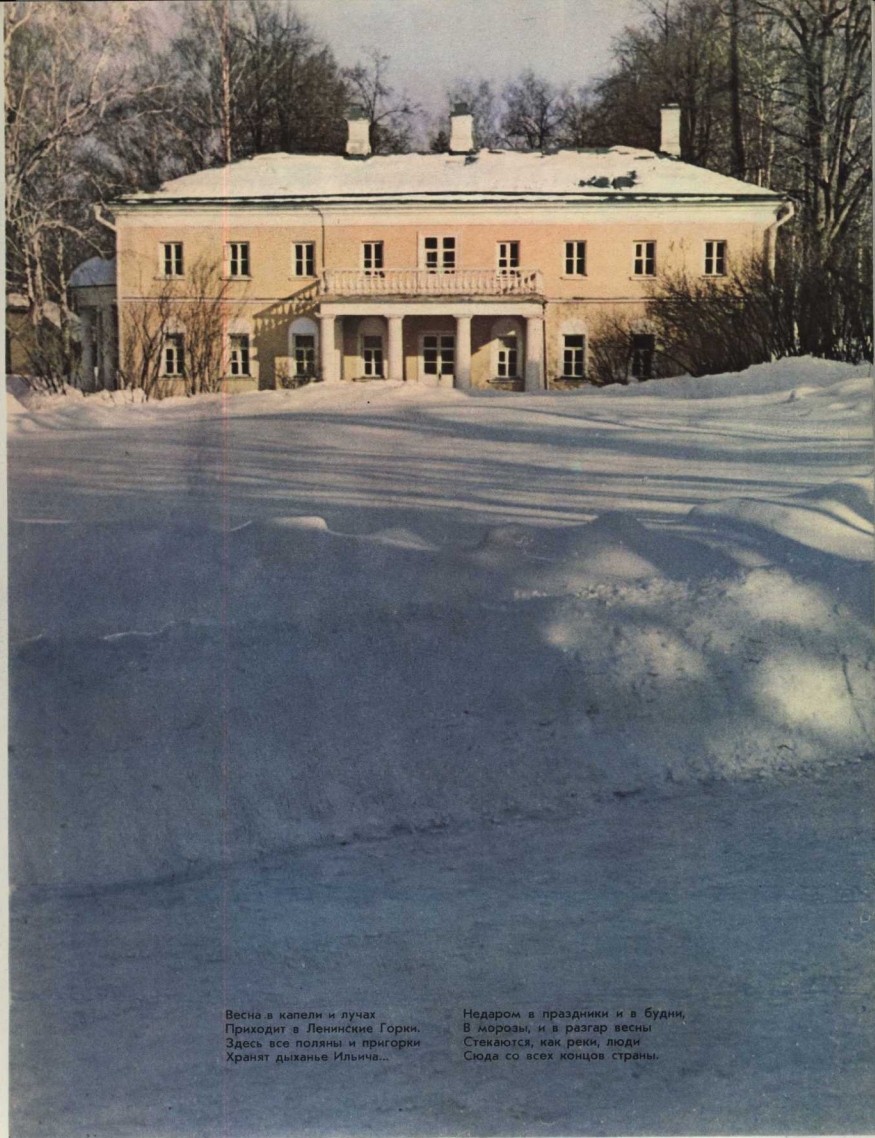
ТРАДИЦИИ ЭТОЙ ЖИТЬ ВЕЧНО

Мы еще и еще раз всматриваемся в фотографии, переданные нам Александром Семеновичем Суевенко. Нам особенно заинтересовал снимок, на котором Ильич запечатлен с обнаженной головой.

— День тогда выдался прохладный, — вспоминает Суевенко. — Видите, все люди на фото в зимней одежде. Когда же наступил момент открытия мемориальной доски борцам Октябрьской революции и над площадью разнес-

лись звуки «Интернационала», Владимир Ильич снял шапку и так слушал пролетарский гимн... Выступление Ленина было посвящено памяти борцов Октябрьской революции.

«Товарищи! — говорил тогда Владимир Ильич. — Почти же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом наших, лозунгом вставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть». И



Весна в капели и лучах  
Приходит в Ленинские Горки.  
Здесь все поляны и пригорки  
Хранят дыхание Ильича...

Недаром в праздники и в будни,  
В морозы, и в разгар весны  
Стекаются, как реки, люди  
Сюда со всех концов страны.



Фото Г. Дубинского.



## ЕЩЕ ОДИН ПУНКТ...

Однажды вечером я с интересом читала запись беседы Владимира Ильича Ленина с Кларой Цеткин. Недалеко от этого, по-моему, места себя узнала и из этой беседы. Но одно место особенно меня заинтересовало. Владимир Ильич говорил Кларе Цеткин:

«Молодежи особенно нужны энергичность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, акробатика, физические упражнения всякого рода, — равнозносторонние духовных интересов, чтение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно!»

Таким хотел видеть нас родной Ильич — людьми всесторонне и гармонично развитыми, красивыми и сильными душой и телом. И я невольно подумала о нашей бригаде. Погода назад нам торжественно присвоили почетное звание бригады коммунистического труда. Мы были счастливы. Друзья поздравляли нас, напутствовали:

— Так держитесь, девочки!

И мы стараемся «держаться». Со стана, который мы обслуживаем, спускается больше кордовых «браслетов» — заготовок для автомобильных шин. По вечерам много занимаемся — кто в школе, кто на подготовительных курсах в институт. Находим время и для чтения новинки литературы и для знакомства с произведениями искусства. Словом, стремимся строить свою жизнь по известным заповедям: работать и жить по-коммунистически.

Но почему так получилось, что в стремлении воспитать в себе черты человека будущего мы упустили один из важных моментов: физическое развитие, тот самый здоровый спорт, о котором говорил Ленин.

В Ярославле наш шинный завод считается одним из лучших спортивных коллективов. И верно, на заводе немало хороших спортсменок. Но почему-то систематически занималась физкультурой не стали последним законом для клуба бригады коммунистического труда и для тех, кто соревнуется за это звание. Разве не странно видеть, как знающие молодой рабочий, спортивно управляющийся со станком, нередко оказываются беспомощными на лыжне или на водной дорожке! Такой и после смены устает вдрог больше спортсмена. А чуть подует холодный ветер, смотрит, он уж и на биолетене.

Условия для занятий физкультурой на нашем заводе имеются отличные: свой стадион, каток, площадки для волейболистов и баскетболистов, теннисный корт, зимний спортивный зал, лыжная база в живописном лесу, водная станция с лодками и швертботами. Заполонили фундамент крытого плавательного бассейна, начавшая строительство заводского туристского лагеря. Но, и сожалению, эти возможности плохо используются коллективом коммунистического труда.

Вот такими мыслями я и решила поделиться с девчатами из бригады.

И вот они сидят передо мной, вся бригада в полном составе: рассудительная, всегда спокойная бригадир Саша Малькова, никогда не унывающая наша лучшая пелунья Валя Иванова, застенчивая Аня Травникова, все свое свободное время отдающая любимому лыжному спорту, серьезная Люся Беллинкина, никогда не расстающаяся с книгой.

Я пригласила и у нас большую законченную речь о всестороннем развитии человека, о пользе спорта и о сексте, которое он должен занимать в жизни молодых бригад коммунистического труда. Но говорить мне пришлось недолго. Они меня быстро поняли, дорогие мои девочки.

Горько заговорила наша лыжница — первоуразадница Аня: — Разговор правильный. Вот у нас на заводе исчезает тяжелый ручной труд, автоматы везде появляются. Но разве это значит, что человек в будущем станет большеголовым хлопиком, годным только на то, чтобы нажимать кнопки! Люди коммунистического общества должны быть красивыми, стройными, физически развитыми. А в считаное, что среди молодежи не должно быть ни одного равнодушного и спорту, и физкультуре. И знайте, что предлагаем! Записать в наших обязательствах еще один пункт: **ВСЕМ ЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ, ЗАБОТИТЬСЯ О СВОЕМ ФИЗИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ!**

И обратиться ко всем другим бригадам, — добавила Малькова, пусть исполняют о пропущенном обязательстве. На то мы и зовемся разведчиками будущего.

Л. ИВЛЕВА,

член бригады коммунистического труда  
Ярославского ордена Ленина  
шинного завода

рого признавал себе, что его титана самая сумасшедшая на свете сила. Ему было страшно, что он увидит Катю, и не решился увидеть ее.

— «Э, была не была! — решила он. — Сразу скажу ей все». Хотя по-настоящему, что ничего не сможет сказать.

Он спешил, но опоздал на целых три дня...

В Камеже, за один перелет от Опасного мыса, в автобус села Гриша.

— Здравствуй, Тимофей, — сказал он. — Прощу тебя сойти.

— Как это сойти, по какому поводу? — встревожился Ковалев.

— По такому важному, что убоюсь, если не сойдеши. Кланусь! Поговорить хочу.

— Говори adesso.

— Люди мешают. Сойдеши?

Просьба его показала Тимофею очередную дурацкую, но так умоюще вшивавшая в лицо Гришину глаза и таким необычным фразитом он вытаращил, что Ковалев поспешно выдвинулся и остановился.

Они выпрыгнули из автобуса в рыжей степи, покрытой до края редкой, жесткой травкой до плотины, как любил бы, камнями. Степь еще дышала дымным жаром. Над нею витали запахи не травы, а двух близких морей, за-

жавших меж собою узкий каин трудной, бесплодной землей...

— Спасибо, Тимофей, — сказал Гриша. — Все же ты свой парень. Прости за откровенные слова, я это тревожно и душевно говорю.

Ковалев рассматривал его с веселым любопытством. На Грише были темно-зеленый пиджак, белая рубашка, галстук.

— Ладо. Что случилось?

Ковалев пока ничего не понимал. — Отмени собрание, Тимофей, сними вопрос. Прощу. Хочешь, брякнись на колени, как слабая девочка? С тобой говорю, а сердце дрожит. Пить бросаю. Бросил. На всю жизнь. Кланусь! Невозможно, Тимофей, чтобы меня сейчас обругали!

— Как же это невозможно? Почему, если ты пьешь, как бутыл?

— Все! Отрежани! — крикнул Гриша, бросив до сыновья и скванна Тимофею ладонью рукой за плечо. — Ты пойми, она и придет на собрание, ну, и что услышит?.. Что? А я уж бросаю... Верно говорю... Я... Эх, Тимофей! Нельза! Никак нельзя меня обругать...

— Да что ты мной командуешь? Кто она такая? Секрета? — спросил Тимофей, почему-то злясь на самого себя.

— Какой секрет, если я под его окном три ночи напролет стою! Не знаю! — ответила Гриша. — Новенькая она. Учительница. Три дня, как приехала. Тимофей. По-смотриши — поймешь, поверь мне. Я и твоих брух, Тимофей. Весь, до косточек...

Последние слова его Ковалев



самых плохо. Опекаемый, стоял он перед Гришей.

— Едой домой, Тимофей! — просил тот.

«... Вот почему он так вырядился?», — подумал Ковалев и тут же вспомнил, что и за ним новый поджак. Новый, потому что почти ненадежный, а висел в шкафу уж давнишнее...

Полуторка, грохочущая на дороге, увезла Григг через минуту и Опасный мис, а Ковалев пошел пешком в сторону Каменик. Он пропустил одну и вторую попутную машину. И автобус.

Он очутился в себе усталым и беззащитным, спрочил той, что давала маленькую стень. И сердце стало маленькой точкой в этой пустоте. И куда-то летело. Он шагал все быстрее, будто гнался за своим сердцем и не мог догнать...

3

Было это почти год назад, и почти год Тимофей не приезжал в Опасный мис.

«Раз уж мне не повезло, зачем страдать лишней раз да еще любоваться на чужое счастье?»

Не повезло Ковалеву. Надо же, чтобы в тот вечер, когда Гриша зашла в школьную библиотеку, тамонья старушка оказалась больной и ее заменила Катя! Надо же, чтобы пошла к ней не кто-то другой, а Гриша, высокий, красивый, гибкий Вадюк, встретился их раз, и тогда-то Гриша и узнал, что такое голубое чудо.

Эх, Гришка! Счастливейший!

Чем он взял ее? Рассказывала ей о рыбе. Как ловят. Как легкими прохаживают рыбками красновато-рыжий окраски, и если рыбаки прохаживают и кидают сеть мимо рыбы, псхуют, и в азарте грозят вииз кулаками. Как жежы стыдятся рыбаки, доставая сетку из воды вместо рыбы! Каким — ступенистых, жирных, голубых медуз. Как злитсы, если сеть полна сига-ретками, мелкой хамсой.

Он даже как-то вывел Катю на сейнер в море. На прогулку. А вскоре ему вернулась «Гаргура». Разуверив да и все в Опасном мису увидели, что Гриша переменялся, даже руку стал иначе пожимать — с силой. Люди тут суровы, но сердце у них справедливое и доброе. И забла старое председате-ль и снова доверил недавнему пленику швабры сейнер и бригаду.

А тим и свадьбу сыграли. Вдова «Гаргура» старинным Гриши механизировалась до ушей и к концу весенней путны уже соперничала с лучшим судам.

Очень хотелось Тимофею увидеть Катю. А с Гришей встречался в море. Раз сел к нему со штабного катера, далеко от берега. Стоял вместе на кабанском мостике. Вдурт спросил:

— Любимый жандасы Гриша... Не знаю. Я не знаю, что это такое, умею я и ее любить, Тимофей. Ее ж на руках, наверно, надо носить! Наверно, я еще и не любил, как надо, а уж, кажется, меньше некуда.

Месидя три прошало или четыре... Встретились снова на собрании рыбаков в городском театре. Гриша пришла прямо с сейнера, в дубовой робе, под которой голубая телемяшка, в жестких штанах — «пикар» и тяжелых ботинках — «пикабанях».

— Тебе бы еще сетью подвезатьсы — пошутла Тимофей.

— Между прочим, не зазорно, — быстро ответил Гриша. — Сетью подвезаешься — живота не надорвешь. У нас хоть и механизация, а все ж работа — не речи говорить.

Он ослунался, похудел. Был злой, и Тимофей сразу встревожился за Катю. Может, сорогит? Может, Гриша обижает ее? Хотел спросить, оава сдержалась.

Из театра шли вместе под городских академиками. Какой-то замызганный человек возле «Прибоя», отвалившийся от папирозного ларька, громко позвал:

— Гришка! Куда стремишься?

— Я ступил, — ответил Гриша, — искры полетят!

— Не пешь? — спросил Тимофей.

— На своей свадьбе капил в рот не взял.

— Ну, это уж чересчур, пожалуй, — проронил Тимофей. — И вот на дух услышала, что Гриша надпаса. От кого услышала! Сама Катя приехала в райком и все рассказала...

Началось с того, что в Опасном мису появилась буфетчица Зинковца.

Ковалев видел ее всего раз, когда приходила в ресторан, и просил оставить в покое рыбака, не губить дурица. Было это давно. Но мордачка Зинк запомнилась. Блестящие рыбачьи глаза, белокрысица челка, смешные брови — торчком, как шпетожи, и мелкие, опасные зубы.

Ничего она тогда не обещала, только мечтательно говорила:

— Гриша? Он веселый, не то, что вы. С ним хорошо-о! Пить, правда, любит. Но ведь, как выпьет, так очень смешной, веселый, радуется! А если поменьше, то впадает в большой минор. Конечно, но надо ему перефатывать, перефатывать не на-а-а-о!

Узнала она про Катю или просто испомнила Гришу, но так или так, а приехала в Опасный мис со знакомыми девчатами и пошла над обрывом, по сельской улице, прямо к дому Гриши. Тут заиграли на гитаре и запел, чтоб за окнами слышали:

Где мои те русы носы,  
Где мои нестидящие лет,  
Где мои вышеры —  
Тузик, Вобин и Валет?

Два раза прокричала она свою гаутую частушку. Гриша вышел из дома на улицу, захвиснул губы. Зина сразу замолчала, опустила руку с гитарой.

— Что же не поешь? — спросил ов.

Гитара расстроилась. — Давай сюда. — Она поковыряла протынула гитару. Он стал тягивать струну за струной, пока все не похлопало с затуманенным зномом.

— Зачем это ты? — прошептала Зинковца.

— Это не я.

— А кто же? — И она противула вперед, к нему, маленькая кулачками.

— Тузик, — Гриша смущенно усмехнулся. — Не приходи больше, не мешай счастливому человеку. Пропу, если можешь. Извиня за гитару. Почти — верну.

— Оставь на память! — вызывающе крикнула Зинковца и ушла.

Еще что-то пела она вдали, голос долго звенела. А вскоре Гриша надпаса. Вздыхлет. Верьезь. Как умел.



Приехала из города и сказала, что с ним куда. Сказала, Гриша гуляет в «Прибоя». Автобус, как назло, долго не было. Катя привалась сюда, когда Гриша вывалился из ресторана с пьяными друзьями. Он захричал:

— Здравствуй, мой горячо любимая подруга!

— Клоуи! — чуть слышно ответила ему Катя. — Как тебе не стыдно! Шут!

Гриша выпрыгивал нервным рычком, откинул свою голову с косыми спутанными черными волос.

— Ударю! — Пожмауиста. — Она шагнула к нему. — Послышай. Ну!

— Не помню.

Он опустил руки. — Зачем только я сюда приехала? — Встретила тебя на свое несчастье!

Он только улыбкасы и сказала: — Любюв не бывает несчастьем. Катя.

4

Так он думал. И так думал сам Тимофей, пока не приехала в их края Катя. Выходила иначе. Сколько он твердил себе, что надо забыть о ней, а она не забывалась.

Вот примчалась как смущенный

пний расквитаться с Гришкой. А Гришка удара.

Вадюк обрыва не спеша брел Тимофей к белому дому школы. Ее стены раньше дружок пожелался, теперь! Сквозь размытый утренний тумак. Уже несколько ночей Катя жила в школьной библиотеке, поставив раскладушку между стеллажами с книгами. В райком она сказала Тимофею, что ушла из дому.

У школы он присел на скамейку, врытую в землю, прислонился спиной к стене. Холодок от стены скоро проник сквозь ватник и брезентовую наждачку. Но Тимофей все сидел.

А за стеной спала Катя.

Может быть, Тимофей и сам задумал. Он очутился, когда сбоку от него недвижимо гурка откыра окно. Он вздрогнул не оттого, что услышал, как стукнула створка, а оттого, что догадался: это Катина рука. И сейчас же услышала свое имя. Он повернулся и посмотрел на Катю, виноватую улыбкасы.

— Опоздал я на «Гаргуру»... Они ушли.

— Вернуцца, — сказала она. — К вечеру все вернуцца. И «Гарга» тоже. Заждете.

Катя была в халате или платие-голубом с большими крупными горошками. Они расплывались во глазах крутыми. Они катились во







— Так и не раскусила я вас — сознался Тимофей. Каждый ждал. Катя засмеялась.

— А вы и не раскусывайте. Я горькая.

— Как неприкаянный, бродила он по селу, по берегу, по двору рубной пещи, а кем-то говорил, а все думало о Грише.

Шальная голова! Безрасудная... Все дойдет с мазу, сразу, как с заветными глазами... Нет, присмотритесь! Нет, задумайтесь! Хоть на миг!

Чем больше Тимофей ругал Гришу, тем больше ждала его. Греша жила, как парусник без руля. А в море есть рифы...

А Катя? А Катя — та другая. Сколько ледяной неподвижности оказалось в ее голубых глазах! И чего они все стоят и стоят в лампах?

Неужели ты вот такая, Катя? Может быть, бессонные ночи ожесточат ее? Может быть, она ждала, что муж придет сразу, едва только она убежала из дома? Прислушивалась к каждому шороху за окном? А он не шел...

А если нет? Если мирно спал? Она спокорна. Она здорова.

В сущности Тимофей совсем не знал Катю. В первую встречу увидел одну ее глаза. Ее появление в райконе огулило Тимофея так, что даже теперь, после утрированного разговора, он не мог прийти в себя.

Ковалева не понимал, как случилось, что он пошел против Катю. Он в общем-то робкий человек. А на душе такая обидка, будто обманули...

К вечеру показались вдалеке надущие домой корабли. Море еще светлело. Море ставало к беспретному небу голубыми лучинами. На обрыв погуляла кутався платки, женщины. Бежали ребята-лихитки. Старые рыбацки стояли у калиток своих дворов. Девчата держались кучками поближе к причалам.

Каждый день уплывали в море корабли. Каждый день их ждали на берегу. Погуляли лучи заката. Синева моря густела и даже чернела вдали. И вот уже и приехала скрывшаяся крапивоца пригласительного сейнера. И уже кричала хрипло: — Дед Анисим! Держи конец, Кольжик!

И другой весомый голос: — Костя! Костя! Шелет, моряк сплывай, куда смотришь? Крепи, ра-ста-па!

Среди женщин на обрыве поговаривали и шутило и тревожило: — Наше нет еще... — Наши рубят ветуз. Прибежали, которые легкиа, а нашим тыр-желю.

Катя здесь не было. Сколько ни выискивала ее Тимофей, не нашлось. Сколько к шкеме, думала, мост, там стоит, прысая за углом, а смотрит в море. Нет, пусто. В одном-единственном окошке из всех окон школы мерцал слабый желтый светик. Это было задержито занавеской.

«Ну, что тебя несет везд-вперед? Успокойся», — сказал себе Тимофей и вернулся на обрыв... Хоть я до-жусь...»

Но «агага» уже пристала. И с Гришей Тимофей столкнулся неожиданно, вилотную. Он был все в той же робе, в тельняшке. Тимофей не знал, с чего начать разговор, заматывал.

— Холодно тебе так... Свитер бы носил или ватник, что ли.

Гриша непривычно опустил голову.

— Прости, что удрал... проговорил си-... Ты мне нишкя, вообще тебе, может, уже начхать на меня, но слушаю, что скажу: «Прибыв» больше не будет. Вообще чешуха эта...»

— Ты был у Катю, — сказала Тимофей. — Погоди, — остановила его Гриша. — Я сам... Дай подумать. А ты пока помолчи. Не говори ни про что.

чтобы уметь создавать это колебание струн.

Мы живем в век электроники и автоматизации, и эти две силы способны создать любое звучание с любыми нюансами, недоступными старым музыкальным инструментам. Так же, как и струны,

не нужны и ящики резонаторов, потому что колебание воздушно-го столба может быть заменено электрическим колебанием. И настройка инструмента — это уже не регулировка натяжения струн, а изменение электрической характеристики... Все, чего достигла техника музыкальных инструментов в наши дни, может быть с успехом если не заменено новой электрической техникой, то, во всяком случае, восполнено ею.

Свои первые шаги электрическая, вернее, электронная, музыка сделала давно. Ею занимались много лет тому назад советский инженер Термен. В советском павильоне в Брюсселе Золотую медаль получил электромеханический инструмент инженера Володина. Он удивительно точно имитирует почти все музыкальные инструменты. Но в нем работают десятки радиодиапазов. К тому же вес этого аппарата около шестидесяти килограммов.

Электронный рояль Ильсерава весит всего несколько килограммов. Его клавиатура в два-три раза меньше, чем обычная клавиатура рояля, но по богатству заключенных в ней звуков она может соперничать с концертным «Стеньевом».

Музыканту, чтобы добиться нужного звучания, необходимо с огромнейшей скоростью переносить свои пальцы с одного конца

клавиатуры на другой, — объясняет Ильсерав. — И это только потому, что расположить нужные клавиши рядом невозможно. Вспомните орган. Ведь это целый завод по производству звуков. Органист вынужден накачивать воздух в звучание трубки длиной в несколько метров. А мой электрический орган я свободно поднимаю одной рукой. Достигнуть же звучания еще более сильного и впечатляющего, чем у обычного органа, я могу совершенно свободно: простой настройкой инструмента.

За последние дни в комнате Ильсерава пребывало много народу. Электронную музыку слушали завсегущий музыкальной частью и дирижер Государственного ансамбля народного танца М. Гальперин. Не в силах был он скрыть свое восхищение — может быть, именно такая музыка и необходима танцорам! Руководитель «Береки» Н. Надеждина также положительно оценила музыкальные инструменты Ильсерава. Здесь побывали руководители многих астраханских оркестров — все они уходили с чувством благодарности и уважения к изобретателю. Восторженный отзыв о новом инструменте дал народный артист СССР В. Топоров... Всемило Ильсерава, востроено семь электророялей, повичх самыми лучшими голосами.

— Я не мастер, — говорит Ильсерав, — я не умею делать музыкальные инструменты. Но люблю это дело, мечтаю довести его до конца, и мне нужна помощь. Одному трудно работать, да и в электронике я лишь любитель. Как бы хотелось передать в надежные руки ту технику я посвятив многие годы!

Мы сидим и мечтаем о будущем. Мы думаем о том замечательном времени, когда в наше искусство так бы энергично, как и в другие области жизни, широким потоком хлынул все достижения человеческой мысли. Некогда Серафим мечтал о светомузыке. Сейчас инженер К. Леонтьев уже проектирует светомузыку завтрашнего дня — третнее сочетание звука и цвета.

Кому заняться музыкальными инструментами нового времени? Министрству культуры? А может быть, радиокомитету и телевидению? Пока же никто не спешит на помощь Ильсераву.

Кто же поможет ему? Вернется что-то в небольшую комнатуя я проведу. Кудожественного театра придет талантливая молодежь — музыканты и специалисты по электронике, что инструменты Ильсерава перейдут в лабораторию, в экспериментальные мастерские, что новая музыка обретет полный голос.





В ту ночь Виталий заваловал всем, у него дома есть телефон. Счастливые. Они могут в любую минуту снять трубку и позвонить ему захочется. А вот он уже шестой раз бегаёт и да-томоту. Шестой раз набрав один и тот же номер и спрашивает: слышавшийся от волнения голосом:

— Как там Соколова Зоя? И снова все тот же ответ:

— Нет, еще не родила... Под утро, когда от размен-ных двух рублей оста-лась всего одна пятнадцати-копеечная монетка, Виталий, уже потерявший всякую надежду, неожиданно услышал:

— Поздравляем с сыном! Сын! Виталий ошеломлен-но посмотрел на телефон-ную трубку, медленно пове-сил ее на рычаг. Подумать только! Он с Зоей как раз мечтали, чтобы был маль-чишка... Толстолицый, чер-ноглазый...

С нем поделился радостью, кому рас-сказать? Ну, конечно же, за-водским ребятишам! В цех он почти вошёл, ловко пере-прыгнул через какой-то плечи, замаскировался и бундельно захлебнулся сво-им счастьем:

— Ребята, сын! — А мы уже знали, звонил в роддом...

Парни в промсленных комбинезонах ждали ему руки, обнимали, хлопали по плечу, спрашивали, сколько весит мальчишка, как реши-ли его назвать. Но Виталий лишь широко улыбался...



Фото Г. Дубинского.



# У ВИТАЛИЯ РОДИЛСЯ СЫН...





А в это время собрались члены цехового бюро ВЛКСМ. Собственно говоря, это было не заседание. Просто комсомольцы сидели и говорили о том, что многие ребята уже женились, многих уже поздравляли с рождением первенца. И вот теперь сын у Виталия. Пора бы, наверное, сделать традицией — праздновать появление каждого нового человека.

— Я считаю так, — решительно заявил Лёня Тракин, комсорг. — Ведь отделение, где работает Виталий, борется за завоевание коммунистического труда. Это же добивается и Зояншек. Значит, и рождение их сына надо отмечать по-особенному.

Тут же заметили план действий — программу-максимум и минимум.

В программе-максимум отмечалось, что необходимо воспитать Соколова-младшего настоящим советским человеком. Программа-минимум включала вопросы более близкого будущего: выпустить в цехе миллион, купить подарков и... помочь родителям выбрать имя.

После долгих споров было принято предложение Эдима Тегурова:

— Парень-то — богатырь! Значит, и имя должно быть богатырское!

— Олег!

— А что, подходит? — Заняв место на стул и громко продемпшировал: —

«Как ныне собирается вещий Олег...» Устраняет!

Имя понравилось и Виталию. На том и порешили — Олег.

На следующее утро в листопрокатном цехе завода «Серп и молот» повисли огромный планат-молнии:

У нас в бригаде еще один: У Соколова родился сын. В выходной день ребята отравились в детский мир» за подарками. Лёня Кравченко рьяно доказывал, что парень обязательно должен быть металлургом, а поэтому купить ему надо... конструктор. Люся Хох вполне справедливо настаивала, что новорожденному прежде всего нужны пеленки, даже если он и будет металлургом.

Чего только нет на прилавках! Глаза разбегаются. А вот складные детские стульчики.

— Берем! — В этом вопросе члены комиссии немедленно проявили удивительную согласованность. — Это нам раз то, что нам нужно.

В придачу купили белый эмалированный таз, миску и... большую плетенку. Что и, это предмет первой необходимости. Вручать подарки решили позже, когда Зоя вернется домой.

Высказав ее из родительного дома должны были через несколько дней. За это время надо было подготовиться и встрече, а главное — в мороз достать живые цветы.

Инициативу листопрокатчиков поддержали девчата из цеха контрольно-измерительных приборов, где работает Зоя. После долгих поисков они купили большую бухет пушистой мисо-Зои...

И вот наконец настал торжественный момент. Виталий осторожно и неуверенно берет из рук санитарки завернутого в теплые одеяло сына. Радостно улыбается Зоя...

Винтор Гадышев раздвинул меха балки, и полилась веселая мелодия. Тан с музыкой, с песнями и дождали до дому.

— Ровно год назад, — сказал секретарь комитета комсомола Павел Степанов, провозглашая первый тост, — за таким же праздничным столом мы справили комсомольско-молодежную свадьбу Зои и Виталия. А сегодня отмечаем рождение их сына. Пусть же маленький Олег растёт счастливым и здоровым!

А мальчишка мирно спал, не подозревая, что является виновником всего этого торжества.

«Хорошее начинание родилось в листопрокатном цехе меховского завода «Серп и молот». Ведь рождение ребенка не менее важное событие для молодых людей, чем, скажем, свадьба! Значит, и отмечать это событие надо по-новому — по-комсомольски!

Е. МУШКИНА



— Сын! У Виталия сын!



Выбирать имя пробовали и так...!

Поздравляем, дружище!

«Комиссия» двинулась к Соколовым.







А. КУПРИН



Рассказ

Год, может быть, два назад произошло на севере Америки, в Ласке, событие не совсем обыкновенное. В небольшом поселке Номе глубоко зимою открылся ядрут эпидемия дифтерита, до той поры никогда Номе не посещавшая. Количество заболевших увеличилось с грозной быстротой. Начались и смертные случаи.

Единственный врач поселка был почти беспомощен перед лицом жестокой гибели, грозившей всему населению. Во всем Номе не вышло ни одной ампулы с антидифтеритной сывороткой. Достать ее можно было — и то не наверняка — лишь в ближайшем городе, который лежал от поселка в трехстах верстах и не был с ним соединен ни железной дорогой, ни телеграфом, ни шоссе.

И вот один из жителей добровольно вызвался послужить обществу. Не зная, кто он был, — охотник или золотодобытчик. Мне теперь очень досадно, что я своевременно не удостоился записать его имя. Он сказал: — У меня есть хорошая, испытанная собачья упряжка. Я съезжу на ней в город, возьму там сколько надо вакцин и вернусь назад. Сделаю все это так скоро, как удастся будет бегу.

Поехал и сделал. Нужно ли рассказывать о трудностях его путешествия среди безграничного снежного моря, в «белом молчании», без малейшего намека на дорогу или тропу, когда руководиться приходится лишь компасом и сошедшими с истинности человека и животного? Прочтите об этом в прекрасных рассказах Джека Лондона. (Впрочем, нельзя не признать, что в случае, о котором идет речь, сама жизнь взяла и сочинила именно тот самый рассказ, которого, однако, не достало у Лондона.)

На обратном пути, уже в последней трети дороги, упряжку захватил метель. Собаки выбились из сил и постепенно падали, поднимать их было невозможно ни лоской, ни уговорами, ни кнутом. Приходилось обрезать одну за другою постромки. Наконец, остались на ногах лишь человек и передовая собака по имени Балт. Теперь тащить за собачью сани было и обременительно и беспомощно, и их пришлось бросить.

Тогда хозяин прочно укрепила пакеты с драгоценным суррогом на спине Балта, выкорчевал его в последний раз и, указав собаке направление, велел идти домой.

— А я пойду следом, — сказала хозяйка. Конечно, Балт был в любой момент готов с восторгом положить свою верную собачью душу за малейший из интересов хозяина. Но в эту минуту он понял — о, несомненно, понял, — что хозяйку скорая доставка груза гораздо дороже собственной жизни, и вот послушно побежала вперед и скрылась в бующем снегу в наступающем мраке ночи.

Чутье, инстинкт и смелые не изменяли Балту. Он прибежал в Номе настолько быстро, насколько это было угодно бегу, и своим звонким лаем поставив сразу на ноги всех жителей, не привязанных болельщице к постели. И в это время, когда доктор обходил с чудотворной

сывороткой один за другим дома, где находились больные, настречу хозяину Балта уже мчалась спасительная экспедиция на свежих упряжках, с запасными собаками и провизантом. Его нашли в тридцати верстах от поселка, еле живого, полуоного в снежных сугробах... Он задавал только два вопроса:

Сыворотка? Балт?

Ему отвечали: — Все хорошо... Он улыбнулся и потерял сознание.

Ну, чем это не рождественский рассказ, чтимые читателями и милами читательниц? Да еще рассказ, поднесенный самой жизнью?

Надо к нему еще прибавить то, что и человек и пес до сих пор живы, здоровы и неразлучны. На днях в Номе произошло торжественное открытие бронзовой статуи Балта, воздвигнутой благодарным населением. По первоначалу хотели было увековечить и смелого хозяина, но он круто отказался.

— Гаупости!.. Все заслуга принадлежит Балту, а я только прогулялся...

Сейчас передо мною газетная вырезка, на которой сняты: бронзовый, могучий Балт, напряженно вцепившись в постромку, а рядом с ним живой Балт и его хозяин, пришедшие полюбоваться памятником. Человек спокойно смотрит на чудное изображение своего друга, но Балт отвернулся.

— Какая же это собака, если от нее ничем не пахнет? О, скромность, смышлен!

А вот я знаю еще и такую историю. В одном городе поставили одновременно два памятника людям местным уроженцам, людям мировой известности. И поставили еще при их жизни. Так вот, оба великих мужа приходили каждое утро с разных сторон на площадь, где стояли их статуи, и некоторое время безмолвно их созерцали: каждый самого себя. Потом, точно по сигналу, окликая друг друга горно-презрительными взглядами, поздравлялись друг к другу спилями и медленню покидали площадь...

Мне Балт милее.

АЛЛО! — ГОВОРИТ «СМЕНА»

У телефона — Варшава...

21 апреля исполняется 15 лет со дня подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и пославном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Народной Республикой. В связи с этим мы позвонили в Варшаву, в ЦК Союза социалистической молодежи.



К телефону подошел первый секретарь ЦК товарищ Маркан Ренке.

«СМЕНА»: Сняните, пожалуйста, нам будет отвечать в Польше годовщина договора?

М. РЕНКЕ: Годовщина заключения договора между Польской Народной Республикой и Советским Союзом торжественно отмечается у нас. Нам всегда, в этом году по всей стране будут проводиться торжественные засе-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮЩЕГО



дания, встречи, доклады, состоится концерты и праздничные вечера.

Прошедшие 15 лет наглядно показали великую жизненную силу договора, его значение и дальновидность. В течение этого времени углубилось и расширялось сотрудничество между нашими народами, между молодежью обеих стран. Дружба наша крепнет, потому что она основана на единстве идей и единстве целей — построении социализма и коммунизма.

В договоре мы видим могучую и плодотворную силу для дальнейшего развития социалистического строительства в нашей стране, гарантию безопасности Польши и нерушимости ее границ.

Польская молодежь проявляет огромный интерес к достижению Советского Союза и интересуется достижениями в области экономики, науки, техники, культуры. Мы единодушно и всемерно поддерживаем мирную политику Советского Союза, его последовательную борьбу за мир, за разоружение, за международную безопасность.

«СМЕНА»: Проведение каких мероприятий предусматривает ЦК Союза социалистической молодежи в связи с годовщиной договора?

М. РЕНКЕ: Мы активно включаемся в мероприятия, проводимые в связи с годовщиной договора. Интересную инициативу проявил член нашего Союза, которые намереваются провести в этот период научную дипломатическую конференцию под общим названием «Ленинские дни». Безусловно, невозможно перечислить все формы нашей деятельности, проводимой в этом направлении. С большим удовлетворением я хотела бы подчеркнуть, что сотрудничество нашего Союза с ВЛКСМ постоянно развивается и крепнет.

В апреле и мае этого года польская молодежная организация будет принимать официальную делегацию комсомола. Члены этой делегации смогут непосредственно убедиться, что польская молодежь питает искренние, дружеские чувства к Советскому Союзу и от всего сердца желает дальнейшего укрепления братской дружбы между нашими странами.

Пользуясь случаем, я хотела бы от имени Союза социалистической молодежи Польской Народной Республики передать комсомольцам и всей советской молодежи братский, сердечный привет и пожелания дальнейших, все более плодотворных успехов в строительстве коммунизма.

Рабочий день кончился. Саша Поляков, секретарь комсомольской организации завода «Красный пролетария», уже взялся за кепку, чтобы идти домой, когда в дверь постучали. В комнату вошла невысокая женщина в черной шубке. Она казалась чем-то сильно встревоженной.

— Вы, очевидно, товарищ Поляков! — Вошедшая протянула Саше руку. — Галина Яковлевна Березина, воспитательница Дипломатического приюмика. Мне очень нужно с вами поговорить. Недавно на ваш завод поступил Игорь Морозов. Сегодня я получила от него вот это письмо.

Бережная положила на стол тегардный листок, исписанный мелким полудетским почерком.

«Здравствуйте, Галина Яковлевна!» — писал Игорь Морозов. — Письмо ваше получил и спешу на него ответить. Извините, что я долго не писал, но дела мои так плохи, что и писать о них не стоит. Я поразмыслил и решил, что мне лучше вообще уехать из Москвы.

Вчера встретил меня прежние «дружки» и очень удивились, что я так плохо одет. А когда я отказался от пьянки, на которую они меня приглашали, Рижик сказал: «Ах, иди, хуцодыщи бьет в спину». Но я их не боюсь. Моя беда не в этом. Галина Яковлевна, я знаю, что вам будет очень больно от этого письма. Но вы мне как мать — кому еще рассказать мне об этом! До мази же пор мое прошлое будет портить мне жизнь! На работе я вроде на побегушках. Видно, и тут не доверят. Получаю 400 рублей. На такие деньги разве оденешься когда-нибудь! А мне хочется быть таким же, как и другие. За помощью я ни к кому обращаться не буду. Во-первых, бесполезно, а во-вторых, самолюбие не позволяет. Вы пишите, что хотите встретиться со мной. А стоит ли! Не стыдно ли вам

# СПАСИБО ВАМ...

## ТРЕВОЖНОЕ ПИСЬМО

«Таких, как я, не прощают»

## ДАВА РАЗОРВАННЫХ БИЛЕТА

## Солнце светит ярче

будет идти рядом с большим воров, а мне с честным, но плохо одетым человеком! Говорят откровенно, и желаю, чтобы стал на честный путь. Если б мне было 13—14 лет, я не жалел бы, но мне 17...

Ваш Игорь».

— Игорь Морозов? — Саша взволнованно заходил по комнате. — Вспомню. Новенький из первого механического, высокой такой. Мне ребята говорили, очень замкнутый парень, но работает хорошо. Больше о нем я ничего не знаю.

— Я вам сейчас все расскажу. — Бережная достала из сумочки еще несколько конвертов. — Мы с Игорем давние друзья...

Мелкий холодный дождик сыял с утра. Гарька промок и решил вернуться домой: сегодня ему чертовски не везло. Он сел в трамвай. Но когда, болно задев его локтем, мимо протиснувся мужчина в дождевнике, Гарька, не долго раздумывая, ловко соскочил с гражданина от ануштительного коричневого бумажника. Соскочил на остановке с трамвая и юркнул в подворотню, он стал подсчитывать взырчку...

— Ага, попался, мальш! — Чья-то рука крепко схватила его за воротник! — Спокойно, я все видел!

Мальчуган отшвырнул бумажник. — Пустя, я ж толкю на кино... я отдам.

— Беря, бери! — Узкий ботинок подхлужил бумажник к Гарькиным

ногам. — Ты его честно заработал, мальш. Из тебя можно сделать человека...

Так Гарька стал полурчником известного рождвиста «Денди с Рожоской»...

Когда Бережная вышла во двор приемника встречать партию новоприбывших, их сразу бросился в глаза высокий, красивый парень с равнодушным, немного надменным взглядом и легкими движениями. Он был молчалив и подчеркнуто вежлив.

«С этим будет очень трудно», — подумала Бережная.

Чутье опытного педагога не обмануло ее: шли недели, и как она ни старалась, «ключики» к Игорю Морозову не удавалось найти. Правда, он уже внимательно слушал ее беседы, стал как-то доверчивее. Но все попытки вызвать его на откровенный разговор неизменно кончались вспшиками:

— Что у вас меня воспитываете! Твою, как я, не прощают. Мне одна дорога — в тюрьму.

Возможно, они долго еще не стали бы друзьями, если б не один случай. Однажды воспитатель старшей группы грубо оскорбил Галину Яковлевну. Она молда, конечно, пожаловалась на маленькому приемнику, и это увеличило бы срок заключения парня. Бережная не стала делать этого. Она просто поговорила по душам с провинившимся. Поступок Галины Яковлевны расположил к ней воспитанников. С тех пор по вечерам Игорь стал часто заходить в клуб — посплушать, как играет на

## ТУРИСТА



Рисунки В. и Г. Каравасых.

роле Берекная. В один из таких вечеров она предломила Игорю: «Бережнь, познакоми твб с настайшм дуэвником, который прежде тоже был вором! Это мой бывшй воспитаник».

— Вором был? — удивился Игорь. — Познакомте, пожалуй ста.

Изо дня в день Галина Яковлева на настайшю будила в юноше веру в себя.

Когда Игорь узжал в колонию, он уже понимал, что с прошлым надо разт. Но жалит ли сил? Он общался Галине Яковлевне обдумать все и написать.

Через семь месяцев пришло первое письмо:

«Я не писал, потому что не мог вас обмануть. Вы для меня сейчас больше, чем мать: вы первый человек, который поверил мне, который отнесся ко мне, как к человеку, как к равному. Все эти месяцы я думал и теперь решил окончательно: к прошлому я никогда не вернусь. Я вступил в комсомол, и меня даже выбрали в комитет. Со здоровьем все в порядке. Работа мне нравится, хоть я и не нравлюсь работать. Скоро кончается мой срок. Я думаю, Галина Яковлевна: как встретит меня там... в местной жизни!»

Москва встретила Игоря Морозова не очень приветливо. Куда бы он ни обращался в поисках работы, всюду, оглядая на его документы, отвечали: «Не требуется». Наконец, почти потеряв всякую надежду, он пришел на «Красный пролетарий». «Ну, уж здесь обязательно укажут на дверь», — мрачно отметил он про себя, проходя по ковровой дорожке в отдел кадров. Но солидный человек в очках просмотрел его документы, спросил, нуждается ли Игорь в общежитии, и предложил дня через два прийти в первый механический цех.

— Чю-нибудь постарайся подискать, — сказал он на прощание. — Новенький! — Худой, сутуловатый мастер внимательно оглядел бритоголового парня. — Вот, собирай детали. Подручным будешь.

«Знают, небось, уже все», — болно колуюню Игоря.

После смены Морозов сплшил домой. По городу идти было не совсем приятно: прохожие сторонились, боясь испачкаться об его промасленный комбинезон. И все-таки все было бы ничего, если бы не эта девушка. Как назло, она всегда попадалась ему навстречу, когда он возвращается с работы. Она была хороша одета и, встречаясь с Игорем, всякий раз смотрела на него сверху-зелеными глазами. Из-под ее пухлой шлочки упремо вывалилась прядка светлых волос. Иногда Игорь про-

бывал представить эту девушку идущей рядом. И тогда рнулось все. Чего бы только не отдал он сейчас за хороший костюм! Но разве купишь его на 400 рублей зарплата!

Издавка на улице его встретила прежде «дружики». Посасывая сигаретку, они с усмешкой разглядывали рабочий комбинезон.

— Знают, казавался, в честные подкался! Думашь, они обрзуются, работу тебе хорошую доверят! Жди — подожди!».

В таких случаях Игорь чувствовал, что он может снова влезть за старое. Но обратиться к кому-нибудь за помощью не решился. Единственным человеком, кому он мог поверить все свои сомнения, была Галина Яковлева. И Морозов написал ей письмо. Прочитав его, Берекная сразу почувствовала, что грозит ее питомцу, и поспешила в заводской комитет комсомолов.

Через несколько дней после этого разговора на столе у Саши Полкова лежала тысяча рублей, выписанная в бухгалтерию на имя Игоря Морозова совершенно безвозмездно. И Саша вместе со своим заместителем Виктором Жуковым ломали голову над тем, как бы, не обидев Игоря, сделать ему подарок от заводского коллектива.

— Денег он не возьмет, — вздохнул Виктор. — Скажут, что в долг! Тоже нелепо.

— Постой, в письме про костюм говорилось, — вспомнил Саша.

И они пошли к директору ближайшего магазина «Москодежда». Тот выслушал их, сам сходя на склад, выбрал самое добротное из того, что было. После смены Игорь вручил солидный сверток.

— Бери, не выдумывай! От всего же сердица...»

В свертке оказалось новенькое пальто и костюм.

«Что это, пожалели или вправду от всего сердица? — недоумевал Игорь, неся домой удивительно щедрыи подарки. — Но кто другой, кроме внимательных друзей, мог бы так верно угадать мое самое большое желание! Знают, новые товарищи интересуются моей судьбой...»

Он убедился в этом окончательно, когда на ближайшем собрании рабочего участка слова попросил Николай Беспалов, рстачиник-виртуоз с крепкими ладонями, которыми играючи мог вертеть пудовые заготовки. Игорю всегда казалось, что Николай его просто не замечает, а если и смотрит в его сторону, то как бы раздумывая: «Откуда ты взялся эткий? И вот Беспаловот поднялся и сказал:

— Я за нашим новеньким давно наблюдаю. Старательный парень, а зарабатывает мало. Почему? Да потому, что где какую ды-

ру заткнул надо, его первого посылает. Возни много, а платят ерунду! — И, обратившись к мастеру, добавил: — На станок бы его, Павел Васильевич!

У Игоря от неопределенности переключило дыхание: тот уж от кого он ожидал от теплого слова! Он внимательно оглядел всех товарищей. Чувств усталые, немощные лбы, они думали сейчас над его, Галиным, положением.

— Места пока свободного нет... — откликнулся наконец мастер и по привычке вытер губы чистым ботинком. — Неужели все-таки не доверяют? — думал Игорь, идя домой. И почему-то именно сейчас, когда на душе у него рождалось неведомое ему прежде чувство глубокой благодарности к товарищам, недоверие показало ему особенно обидным. «Нельзя, стало быть, жалеть, а верить — не верить...»

На следующий день в проходной вахтера подозрительно подергала носом, но Игорь, не дав ей опомниться, проклянчил в дверь: «Ну, вылиги, и пусть совсем выйдут!» — вертелась в голове одна-единственная мысль. Он упрямо понадеялся всем на глаза, но никто, казалось, не замечал его, и только уже после смены к парню подошел слесарь Моргунок, с которым Игорь в последнее время проводил вечера. Моргунок вытал из кармана два пригластительных билета и, разорвав их в мелкие клочки, бросил в урну.

— В клуб тебе хотел пригласить, как барышно... с горячю проговорил он. — А ты... Зря ты весь этот концерт устрои. Мастер прав, тебе поучится надо. Давай-ка с завтрашнего дня я тебе станок наму объясню.

Теперь, разозая деталя, Игорь внимательно присматривался к работе лучших станочников. Частенько его останавливал Моргунок, подходил к своему станку. А однажды сверловщик Михаил Филимонов предложил:

— Становись-ка, Морозов, на мое место! — Потом Михаил придирчиво осматривал просверловенное отверстие.

— Ничего, трошка с плюсом на первый раз... — Молодец, парен!

Он и не заметил, как подошел мастер. Тот тоже склонился над деталью и вгляд Игорь увидел, что глаза у Васильча совсем не строгие...

Через месяц Морозова перевели на сверлильный станок.

Игорь шел со смены и не узнавал прежних улиц. Солнце было ярче, чем обычно, ветер — теплее, а воробы голыми, как никогда. В кармаше похрустывали десять новеньких струбилек — разве сравнятся с тем, что получал он на заводе ровно год тому

назад! Подумав, Игорь толкнул стеклянную дверь «Галантерии».

— Косиночки бы мне покривил! — И, встретив вопросительный взгляд продавца, уточнил: — Нет, не для девушки — для мамы...

Так волновался он, пожалуй, только раз в жизни — когда получил в колонии комсомольский билет. С утра в цехе чувствовалось какавто праздничная торжественность. К началу переерва на участок пришла Саша Полкова. Обычно спокойный, он тоже был по-рядком взволнован.

— Как дела, Морозов?

— Нормально!

В переерве прямо в цехе были зачитаны обязательства, которые брали на себя рабочие второго участка, вступа в борьбу за новые бригады коммунистического труда. Когда стали читать список бригад, у Игоря после каждой фамилии екало сердце: Беспаловот, Дуваев... Вот если сейчас сразу назовут Филимонова, значит, не включили... И как раз в этот момент мастер громко сказал: «Морозов».

Обо всем этом он не мог не написать письма Галине Яковлевне: «У меня все в порядке. Зарабатываю хорошо. Чувствую себя таким же, как и все... Работую, устаю, хожу в клуб с ребятами. Вы уже знаете, Галина Яковлевна, что я познакомился с Таней, той самой девушкой, о которой давно вам рассказывал. Я встречал ее раньше около нашей улицы, когда шел с работы...»

Перед уходом в армию он захшел попрощаться к Галине Яковлевне и поблагодарил ее за все.

— Спасибо вам. До свидания! Буду писать...

Скоро Игорь вернется из армии, станет работать и учиться. Неизвестно еще, кем он будет: рабочим или ученым, строителем или писателем. У него все вперед. Ему лишь девятнадцать лет. Но одно совершенно ясно: он уже никогда не сойдет с прямого, честного пути, на который его направили заблудные руки хороших людей.

Т. ИЛАТОВСКАЯ





**В. МЯЧНО** из г. Дзержинска.

На ваш вопрос, кто написал вальс «На сопках Маньчжурии», можем ответить следующее.

Автором вальса был капельмейстер 214-го Мокшанского стрелкового полка Илья Алексеевич Шатров. Незадолго до начала русско-японской войны 1904—1905 годов Шатров окончил Варшавскую консерваторию. Вскоре молодой музыкант был призван на военную службу. Вместе со своим полком Шатров принимал участие во многих боевых сражениях, в том числе в знаменитом сражении под Мукденом.

Плавная, мягкая, полная нежной лирической грусти мелодия вальса «На сопках Маньчжурии» была навеяна личными настроениями композитора — истинно русский солдат, находившегося на чужбине и тоскующего по родине. Сам композитор написал и слова к вальсу.

Этот вальс — единственное произведение Шатрова, но только он принес композитору известность. Другие его произведения, часто исполнявшиеся военными оркестрами, широкого признания не получили.

Вальс «На сопках Маньчжурии» сразу же завоевал необычайно широкую популярность не только в России, но и за границей. В последние годы жизни Шатров руководил полковым оркестром одной из воинских частей Советской Армии, затем работал преподавателем музыки Тамбовского суворовского училища.

Умер Илья Алексеевич Шатров в 1932 году в возрасте 63 лет.

**К. МАРКИНУ** из г. Томска.

Песню из кинофильма «Иван Бронин на целине», которая вам очень нравится, написал композитор А. Телин на слова поэта А. Фаткина. Песня называется «Как же ехать мне?». Вот ее текст:

Забрала подруга детства  
Сердце у меня,  
А известно, что без сердца  
Жить нельзя ни дня.

Припев:

Как же, как же ехать мне  
В далекие края,  
Иль с тобою остаюсь  
Здесь любовь моя?

Неумей тропинки наши  
Скрыла в поле рожь,  
Ты заветных слов не слышав,  
Рядом не пройдем...

Припев.

Забрала подруга детства  
Сердце у меня,  
А известно, что без сердца  
Жить нельзя ни дня.

Припев.

**Ф. ГАЛЕВОЙ** из г. Бабушкина.

Присланные вами произведения нам очень понравились. Отлично они написаны — выразительно, образно, ярко. Но вот беда: рассказ «Перед лицом жизни» уже был напечатан. Впервые — шестьдесят лет назад, в 1900 году, в газете «Труд». А последний раз — в тридцатитомном собрании сочинений М. Горького.

Что касается стихотворения «Майская песенка», то «сочинить» его было тоже совсем нелегко: стоило только ехать односторонне в Малиновское. Уж если вы занимаетесь библиографическими изысканиями, советуем заглянуть в 33-й том Большой Советской Энциклопедии и выяснить, что такое ПЛАТИАТ и какие последствия он за собой влечет.

**Л. АЛЕШИНОЙ** из Луганской области.

В связи с вашим вопросом, будет ли в 1960 году проводится прием в медицинские училища лиц, имеющих светское образование, мы обратились в Министерство здравоохранения СССР. Оттуда нам сообщили, что такой прием предусмотрен. Однако претендентам будут предоставляться тем, кто окончил среднюю школу (80% из числа поступающих в училище). Адреса интересующих вас училищ можно узнать в областном отделе здравоохранения.

**В. ИИОНОВУ** из г. Белорецка.

Химическое вещество гибберелин, о котором вы спрашиваете, недавно получено советскими учеными из выделений особого грибка. Оно действительно обладает удивительным свойством — способствовать росту растительных тканей. Лабораторные исследования показали, что вещество гиббереллина хорошо поддается растениям-двулетникам: капуста, горох, морковь, свекла. Правда, опыты в более крупном масштабе, в полевых условиях, пока не дали многообещающих результатов: прирост стеблей и листьев не привел к повышению урожайности (особенно это было заметно у пшеницы, помидоров, черной смородины и фасоли). Очевидно, лабораторные результаты нельзя целиком переносить на полевые условия. Но несомненно, что отечественный гибберелин следует широко испытать в колхозах и совхозах различных районов страны, так как это чудесное вещество имеет в себе огромные возможности для повышения урожайности сельскохозяйственных культур.

Более подробные сведения о гибберелине вы можете узнать из статьи, опубликованной в журнале «Техника — молодежи» № 2 за 1959 год.

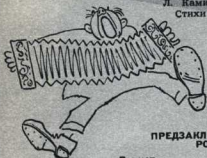
**Г. СОЛОВЬЕВУ** из г. Бауи.

Эспандер — это специальное приспособление с несколькими длинными пружинами и двумя ручками. Применяется оно для гимнастических упражнений. Занятия с эспандером хорошо укрепляют мышцы и развивают силу. Они общедоступны, просты и могут выполняться людьми от 16 до 40 лет. Перед началом занятий необходимо пройти медицинский осмотр, так как эти упражнения дают большую нагрузку организму, а она не рекомендуется при повышенном давлении, заболеваниях сердца, легких, нервной системы и других болезнях. Если раньше вы не занимались гимнастикой, то следует в течение полугодия выполнять простую «зарядку», затем 3—4 месяца — упражнения с легкими гантелями и только после этого перейти к занятиям с эспандером.

Теперь поступили в магазинах эспандеры с четырьмя стальными пружинами. Если не найдете эспандер, можете заменить его резиновым бинтом, который продается в каждой аптеке. В журнале «Физкультура и спорт» № 6 за 1959 год в статье мастера спорта Т. Степанова даются советы, как пользоваться эспандером и какие упражнения с ним можно проделывать во время ежедневной зарядки.

Объединение Ленинградских художников «Боевой» выдвинуло вперед популярность сериальных сатирических плакатов на злободневные темы. Сегодня мы печатаем рисунки участников объединения, молодых художников В. Травина и Л. Каминского.

Стихи Вл. Иванова.



ПРЕДЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РОМАНС

Речист,  
Пугулист,  
Говорист,  
Ночалин, соседям на горе,  
Хвельный волонист-скамалист  
«Нонцерты» давал в мориоре,  
«Нонцерты» полонем нонем  
И грустная слышатся звуки —  
Поет со слезою и в аэц:  
— Возьмите меня на геруню...



ИМЕНА И КЛИЧКИ

— Эй, Фифа, Фуфа, Бобин, Днерри!  
А ну, мойвай сбегайте!  
Скликая дружию на танцы Том.  
На кличку Бобин отозвался.  
— Ты-тои! (Бегу, мол!) —  
И прыгачисл,  
Вилля весело хвостом.



ТРУД ТРУТНЯ

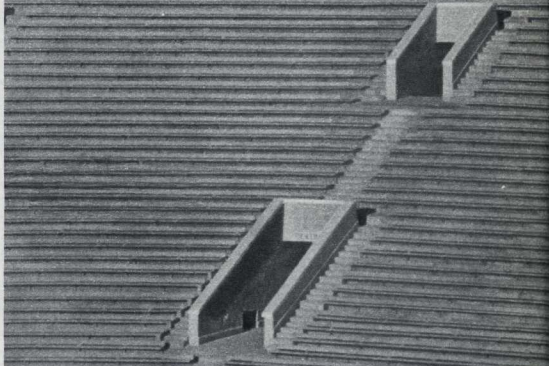
— Ругают белоручку без конца,  
На скамью в их защиту ни слова,  
Не спростит белоручку маново!  
Несчастный Жорик морщится от боли:  
От радных шумовой у него  
Мозоли на ногах  
И на ушах  
Мозоли!

С худной лекцией вечером в клуб  
На трибуну проини Скуучюлоб,  
Был задержан оратор ослышанный  
Процфиренный  
И процфиренный,  
Удалит Скуучюлоба скорее!  
Он, засохший, опасен стубоуб:  
Он способен скуучиной своей  
Распугать посетителей клуба!



НЕ ВЫНЕСЛИ И... ВЫНЕСЛИ.

# СТАДИО



Новый XXII футбольный чемпионат... Закрутит, завертит оно команды и футболистов в своих коварных водоворотах, кого вынесет на гребень, стремительно несущийся к «золотому берегу», а кого затянет и вниз — в омут, если он не сумел накопить своевременно сил и вынужден был скатиться с победной волны. Попадут в этот вечный футбольный водоворот и зрители: рабочие и архитекторы, строители и техники, инженеры и колхозники. Окрустит всех их сезон традиционным именем «большезищи» и вплоть до осени не выпустит из своих постылые могучих лапщи...

Нынешний футбольный сезон во многих отношениях необычный. Во-первых, старт чемпионата страны берут не 12 знакомых всем нам команд, а 22 коллектива. Во-вторых, составная как бы приобрели двуствепенчатость. Они стали похожи на соревнования бегунов на средние дистанции. Вначале футбольным коллективом придется участвовать в своеобразном «предварительном забеге» — имн явятся встречи в двух подгруппах. Цель здесь, как это бывает у бегунов, — пройти дистанцию так, чтобы финишировать хотя бы третьим. Здесь не требуется рекордных скоростей, ибо они всегда изнурительны для спортсменов. Набольшая затрата сил. Зато уж в «финальном забеге», где выступит шерстка сильнейших коллективов, сразу будет взят предельный темп: тут не до прижидок и всевозможных примеров, здесь каждый шаг, любой опротивительный ход может стать роковым.

Что сказать о новой системе розыгрыша? В ней есть положительные стороны, есть и отрицательные.

Положительным можно считать выдвигание в ряды сильнейших большого отряда молодых, талантливых футболистов. Да, мы уверены, что

в командах-дебютантах будет немало способной молодежи. Ведь в класс «А» вошли коллективы с прекрасными футбольными репутациями: Харьков, Минск, Ереван, Баку, Рига... Кто из футбольных старожилов не помнит грозных битв, в которых сражались представители этих городов? Харьковчане — поистине заповальи советского футбола двадцатых и тридцатых годов, они даже были неофициальными чемпионами страны 1924 года. Минчане — призеры одного из недавних первенств. Ереванцев мы видели в финале Кубка СССР. Это ли не доказательство несомненного футбольного авторитета новичков! И даже в полном смысле слова дебютантах первого шлона — команды «Паткор» (Ташкент), «Кайрат» (Алма-Ата) и «Калев» (Таллин) — соперники, очень острые на зубок. Команде ЦСК МО, например, довелось в прошлом сезоне провести товарищеские матчи в Ташкенте и Алма-Ате. И что вы думаете? В Ташкенте опытные армейцы потерпели поражение, причем молодые соперники переиграли их своим задором и энергией.

Если же говорить об отрицательных сторонах новой системы, то тут стоит поставить под сомнение необходимость проведения предварительных и финальных встреч. Прежде всего потому, что некоторые коллективы класса «А» при этом вообще не встретятся друг с другом. Если же судить по играм прошлого года, то в этот разряд могут попасть и такие традиционные матчи, как «Спартак» — «Динамо», которые приковывают к себе мысли любителей футбола, независимо от турнирного положения двух прославленных коллективов. Думается, что Федерация футбола стоит серьезно задуматься над вопросом: как лучше организовать соревнования в ближайшем будущем? Ведь при нынешней системе возможны



Фото И. Курчакова

и отдельные турнирные казусы. Предположим, одна или две команды на первых порах далеко оторвутся в своих подгруппах от остальных коллективов. Потом, экономя силы, они наверняка станут играть с прохладцей. Мы, конечно, не думаем, что лидеры умышленно проиграют кому-либо из соперников и тем самым помогут этому коллективу выйти в финал. Просто может случиться так, что очки для них не будут иметь существенного значения.

Немало сомнений вызывает и порядок перевода команд в класс «А». Коллективы союзных республик после первенства должны проводить переходные игры. А федерация футбола РСФСР до сих пор не решила, как поступить с коллективом, который займет лучшее место во второй группе: дать ли ему переходные игры или просто ввести в «первый эшелон» вместо другой российской команды. И дело не только в этом никому не нужном дребезе. Может получиться так: команда займет, скажем, 12-е место и окажется во втором эшелоне, а коллектив, оставшийся 22-м, будет продолжать играть в классе «А». Это по меньшей мере нелогично и уж, конечно, неспортивно.

Перейдем, однако, непосредственно к футболу. Он непрерывно развивается, мужает и совершенствуется. Правда, а нас немало любителей окружать ореолом только прошлое, боготворить только мастеров прежних лет. Но они забывают, что требования к футболистам постоянно возрастают. Ныне не может быть классным спортсменом игрок, умеющий только лишь сильно бить по воротам или же водить мяч. От сегодняшнего мастера требуется целый комплекс знаний и умений, он должен быть во всех отношениях разносторонним спортсменом.

Вот об этой разносторонности современно-

го футболиста и хочется повести сегодня разговор.

Что понимают обычно под термином «разносторонность футболиста»? Конечно, умение пользоваться всеми приемами футбольной техники. Затем тактический кругозор, высокий уровень физической подготовки и, наконец, морально-волевые качества спортсмена, то есть способность стойко держаться в труднейшие минуты поединка. Вспомним наших лучших игроков. Они могли делать многое, как и продолжают вполне разносторонним спортсменам. И, кроме того, каждый имел, так сказать, свою изюминку, чем-то владел прямо-таки в совершенстве. Г. Федотов, например, славился неожиданными молниеносными выходами (погда этого меньше всего ожидал соперник). К тому же был поистине гроссмейстером комбинационной игры: он так умело и точно «раздавал» мяч партнерам, что казалось, будто на поле действуют не человек, а точно работающий механизм. В Бобров заслуженно считался мастером голевой ситуации. Его умению выбрать место, оказаться именно там,

куда полетит мяч, и его способности молниеносно «перепарировать» мяч в ворота можно только позавидовать. В Трофимов, как никто, умел провести мяч мимо целой группы соперников по самой кромке поля и оттуда смело штурмовать ворота. Ну, а если такая игра защитит линии, скажем, А. Башашина, то и тут станет ясно, что он лучше других чувствовал игровую ситуацию, умел разгадать замысел соперника и оказывался всегда там, где неприятель пытался нанести главный удар.

Любопытно в этом отношении и спортивная биография «ближнего» З. Калоева, которого можно назвать лучшим центральным нападающим прошлого сезона. Калоев много лет был заурядным игроком. Побывал в нескольких командах, но нигде «не нашел» себя. А затем очень быстро стал ведущим форвардом тбилисского «Динамо». И главным образом потому, что на него стала играть команда, что тренер умело использовал его сильные стороны (умение забить гол головой). Это сразу придало мощь игре Калоева. Не случайно он самый результативный футболист прошлого сезона (и, кстати, почти половину своих голов забил головой).

Вывод из сказанного один. Футболист становится большим мастером только тогда, когда находит свой «ключ», до филигранности отшлифует то, что ему особенно удается. Разумеется, это требует огромной воли и упорства, настоящей преданности спорту, умения трудиться на протяжении длительного промежутка времени.

Как, например, достигли высокого мастерства лучшие футболисты нынешних дней, такие, как А. Гогоберидзе, С. Метрелиан, А. Масленкин, А. Соколов, Ю. Кузнецов? Они многие годы упорно и кропотливо тренируются. И даже став мастерами, они ничуть не снижают требовательности к себе. Повышают на тренировках этих футболистов, и вы увидите, как подолгу отработают они приемы техники, как тщательно поддерживают свою спортивную «форму». Все это внимательно, прямо-таки любовно обращается с мячом, зная, что только этим можно добиться его послушания.

Как видим, смысл нашего разговора свелся к тому, что большие мастера не рождаются сами. Мало таланта, данного природой. Надо развивать талант в постоянных кропотливых тренировках, надо к способностям добавлять постоянное огромный труд, и тогда можно быть уверенным: спортсмен добьется своего! Это необходимо помнить всем, кто мечтает покорить футбольные пики.

Но большой мастер — это не только виртуоз. В нем должно сометаться высокое спортивное искусство с огромной человечностью и постоянне рыцарским поведением на поле.

К сожалению, ныне футболисты об этом забывают. Спортсмены старшего поколения, например, любят вспоминать одного выдавшегося футболиста. Сейчас он известный тренер, поэтому мы не станем называть его фамилию. Игрок этот в ходе матча любил, образно говоря, действовать на психику судьи. Когда завязывалась острая схватка, он вдруг начинал кричать: «Ой Ой! И судья, не разобравшись, нередко штрафует на за что ни про что противников этого футболиста.

Кое-кто из читателей, наверное, улыбнется и скажет: «Ну, это уж пустяки». Но «пустяки» эти недостаточны большого мастера. И самос страшно, они очень живучи. Прими, тому — поведение капитана торпедоцеха В. Иванова. Что это, плохой игрок? Нет, хороший. Грубиян? Тоже нет. А вот судьи в один голос говорят о нем: «Самый неувидержанный, самый



**ВНИМАНИЮ ФЕДЕРАЦИИ ФУТБОЛА: НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ НАС НЕ УДОВЛЕТВОРИТ!**



**ОДНОГО ТАЛАНТА МАЛО...**



**Симулянтов и грубиянов — с поля!**

неприятный из футболистов». Он может весь матч бегать по полям за судей и думать и думать около него. А под занавес бывает даже и «благодарит» судью за то, что тот якобы подпускал их сопернику.

Нет, не такими были сами выдающиеся мастера советского футбола! Чуткие, отзывчивые товарищи, предельно скромные спортсмены — таких их облик. То же Г. Федотово можно считать образцом культурного футболиста. Или же вспомните Н. Симонина, Н. Деметьева, В. Блинова. Какими помнят их зрители? Умелыми мастерами и предельно выдержанными, корректными игроками. С ними и надо брать пример молодежи. Они и должны стать подлинным эталоном для каждого футболиста!

Где, в каких коллективах вырастают настоящие футбольные мастера? Это тоже вопрос немаловажный, ибо, ответа на него, можно будет сказать, какие команды действительно способны стать подлинным эталоном для каждого футболиста!

Где, в каких коллективах вырастают настоящие футбольные мастера? Это тоже вопрос немаловажный, ибо, ответа на него, можно будет сказать, какие команды действительно способны стать подлинным эталоном для каждого футболиста!

Возьмем для примера «Молдову» или команду «Крылья Советов» из Куйбышева. Они много лет выступают в классе «А». А воспитали они столько настоящих мастеров? Мы не найдем таких. Почему? Команды эти играют по очень примитивной тактике, везде и всюду применяя одну игровую схему. Тут, вероятно, тоже многие будут спорить, мол, такая тактика приносит им успех, только благодаря ей они могут соперничать с сильнейшими коллективами. Согласен, что на первых порах «волжская защелка» помогла куйбышевцам. Но нельзя же всех, кто приходит в команду волжак, учить сугубо оборонительным действиям! Ведь это ограничивает возможности молодых игроков, сокращает их инициативу. Пусть неприятно будет руководителю куйбышевского футбола, но им стоит сказать прямо: жить старым багажом — значит по меньшей мере топтаться на месте, подходить ко всем игрокам с одной меркой — значит сосуществовать из них середнячков, а не мастеров своего дела!

Серьезные претензии к этому отношению можно предъявить и руководству команды ЦСК МО. В последние время футболисты этой команды тоже стали будто односторонними, «тебебегать протвенька» — так сейчас делят ЦСК МО. Не очень ли мало для столь популярного и опытного коллектива! Неужели армейцы не имеют никакой спортивной славы из предшествующих игривцев, всегда на самом высоком техническом уровне!

Нам нужны больше команд — хорошие и разные. Разных в том смысле, что они будут иметь свой собственный рисунок игры, будут отличаться в футболе новизна, пока еще скрытые возможности.

Уроки шведского чемпионата мира учат: успех в футболе добывается тот, кто использует возможности каждого игрока, кто схему игры берет не с потолка, а исходя из игровых данных всех своих футболистов...

Новый футбольный сезон начался... Он невест любителям спорта много интересного. Но особенно хочется, чтобы он подарил нам много в полном смысле слова больших мастеров футбола. Ведь только у больших мастеров может быть действительно большая роль!

К. БЕСКОВ,  
заслуженный мастер спорта.

# ВЕЧНОЕ, МЯГКОЕ, СОЛНЕЧНОЕ...

О творчестве народного художника СССР М. С. Сарьяна

Более шестидесяти лет миновало с тех пор, как в 1897 году семнадцатилетний юноша из Нахичевана Мартiros Сарьян переступил порог Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Его педагогами были такие кoryфеев русского искусства, как В. Серов, К. Коровин, А. Архипов, И. Левитан. Русской живописи, русской культуре в самом широком смысле слова художник обязан очень многим. Углубленно изучал он и мастерство лучших французских живописцев конца XIX — начала XX века. Но все это основные истоки искусства Сарьяна в родной ему Армении с ее многовековыми традициями, неповторимой красотой природы, национальным своеобразием характера людей этого древнего края.

Долгий, трудный и славный путь в искусстве прошел замечательный художник. Он трудился непрестанно, вдохновенно и за десятилетия напряженного труда создал сотни полотен, рисунков, монументальных панно, эскизов театральных декораций. Ныне имя Сарьяна прославлено в нашей стране. Оно широко известно и за рубежом. Его по праву считают одним из наиболее выдающихся мастеров советского живописи, крупнейшим художником Армении.

В годы предшествовавшие Октябрьской революции, Сарьян работал над сюжетами, связанными с Ближним Востоком — Египетом, Персией, Турцией, где он в ту пору бывал. Но и эти изображения десятилетиями созданы в традициях родной художнику национальной культуры. Они несут на себе печать размыслений, мечтаний о прекрасном будущем человечества, которое в канун революции так волновало лучших людей России.

В ранних картинах Сарьяна своеобразно переплетаются фантастика, сказочность и вполне реальные, конкретные черты повседневной жизни людей стран Востока.

После Великой Октябрьской революции основной темой произведений мастера становится жизнь родной Армении. В картинах Сарьяна исчезает атмосфера некоторой отчужденной мечтательности. Сарьян повествует о волноценных чаяниях, завоеванном счастье жизни, утверждая своим творчеством реальную, подлинную красоту действительности. Он становится подлинно народным художником.

К какому бы жанру ни обращался Сарьян, он всегда оригинален и своеобразен. Его портретные композиции глубоки, содержательны, интересны.

Сарьян создал обширную и постоянно расширяющуюся серию портретов выдающихся деятелей советского искусства и литературы: архитектора А. Таманяна (1893), писателя К. Итумнова (1934), режиссера Р. Симоняна (1939), поэта А. Исаакяна (1940), балерины Г. Улановой (1940), поэта-переводчика М. Лозинского (1944), скульптора Н. Никогосяна (1952), кинорежиссера А. Довженко (1959), писателя П. Эрнбурга (1959) и многих других. В этих портретах художник никогда не ограничивается лишь до-

ставлением внешнего сходства. В первую очередь он стремится раскрыть душевный мир человека, его психофизиологию, характер, круг мыслей и чувств.

Сарьян восторженно полон восторга и в работе над портретом. Эти его произведения воспринимаются как песня о красоте родной родины, о счастье жизни. Часто Сарьян сочетает портрет с пейзажным фоном, порою окружает его декоративными тканями. Все эти разнообразие композиционных приемов живописец использует не ради внешних эффектов. Каждый из портретов Сарьяна обладает определенной эмоциональностью, гаммой чувств, переживаний, размышлений. И все особенно замечательного «вклад» живописца поднимается решению центральной образной задачи. Так, «Ереванский портрет» 1957 года радостным сиянием чистых, звонких красок, мужественным ритмом линий артефицирует ощущение свежести, радости, счастья. А в портрете «Армянкам — бойцам Отечественной войны» (1945) прерывный, благоухающий сад цветов и цветов с ласковой, благодарной улыбкой встречает славных воинов, вернувшихся домой после героической борьбы с фашизмом. Выглядит на десятки других портретов Сарьяна — и вы убедитесь, что художник умеет их наполнить высоким, значительным человеческим содержанием.

Еще более глубоко и полно своеобразие сарьяновского творчества раскрывается в пейзажах. Как и другие работы мастера, они требуют сосредоточенного восприятия, вдумчивости зрителя. Некоторые, взглянув на пейзаж Сарьяна, готовы сказать: «В жизни так не бывает! Где это художник увидел такие необычные, причудливые сочетания цвета, острые контрасты света и тени?»

Сарьян не выдумывает свои пейзажи в четырех стенах мастерской. Его вдохновляет живая обложка природы, который он изучает глубоко и тщательно.

Вглядываясь в пейзажи Сарьяна, созданные за последние годы. Вот холст «Армянкам» (1957). Это чудесный край, солнечный, гордый в своем величии и человечный в своей красоте, удивленный с ординами высот. Высятся окутанные голубой дымкой громады гор. Зеленеют поля в предгорьях. Проступают в долине. Художник пренебрег скрупулезной точностью в передаче отдельных деталей. Он воссоздал целостный, обобщенный образ своей родной земли, отображая главные, характерные черты ее облика.

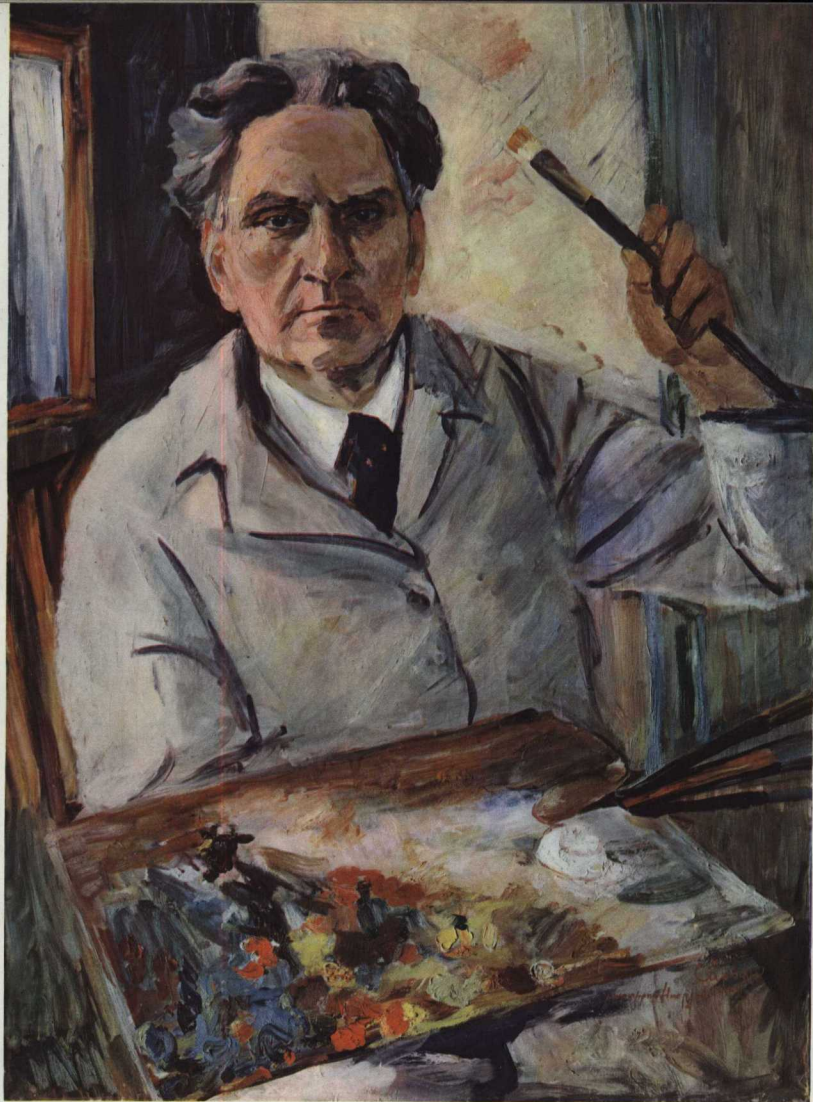
И в пейзаже «Армянка» и в картинах «Сбор хлопка в Арагартской долине», «Колодец села Карианди в горах Туманяна» и во многих других полотнах Сарьяна, где пейзаж занимает основное место, мы видим эти фигуры минувших дней не теряются в бескрайних просторах монументальных пейзажей.



Продолжение «Приключений начинающего туриста» следует.



М. Сарьян. Армения, 1957.



М. Сарьян.

Автопортрет. 1942.

# Бабочки

(Из книги «Рассказы о детстве»)

Картины Сарьяна никогда не ограничиваются только повествованием о красоте пейзажа. В полотнах художника всегда есть как бы два течения, две стороны. Одна — это внешний облик, внешняя выразительность. Другая — внутренняя. Эти две стороны составляют единое целое. Образный замысел, определенная направленность размышлений и чувств «ищут» и находят свое гармоничное выражение в движении ритма, склад композиции.

Судя по авторитетному художнику особой известностью пользуется авторитет 1942 года. Сарьян изобразил себя за работой, с палитрой и кистью в руке. Его лицо сосредоточенно. Взгляд строг и ярок. Во всем облике живописца — огромный размах идей, величие складки лица, широко снятых губ, рамежавшихся прядей седых волос — чувствуется огромное внутреннее напряжение, собранность творческой воли. Энергично заметнулась сжимающаяся кисть руки, сейчас она опустится и нанесет смелый, решительный мазок на невидимое зрительно полотно. В некотором контрасте с этой суровой дисциплиной ума и сердца находится нестрастная мимика красок, выведенных на палитру. В этом противопоставлении есть свой смысл. Целенаправленная творческая энергия мастера способна, исполняя эту пока еще бессмысленную массу красок, создать чудесный мир светлых, солнечных образов. В этом горючем утверждении изначальной силы человека гуманистический пафос портрета.

Осенью прошлого года мне постачивались побывать в гостях у Сарьяна в Ереване. Я мысленно сравнил нынешнюю художественную жизнь Еревана с началом в этом замечательном авторитете. С той порой прошло почти 17 лет. Что же, с виду он стал старше. Но и сейчас, когда Сарьян берет за кисть, он работает так молодо и свободно, так упоительно, что совсем забываешь о его годах.

Когда я приехал к нему, на мольберте в мастерской стоял законченный несколько дней назад портрет Илья Эренбурга. Слегка прохладное осеннее солнце и полотно разноцветных янтаря, написанных за последние год-полтора.

В один из погожих дней Мартiros Сергеевич поехал «на этюды» в горный район Кавказского парка у Еревана. Слегка прохладное осеннее солнце. Воздух был чист и прозрачен. Краски леба, гор, полей мягче обычного. Сарьян тогда выбрал место для работы. Наконец нашел. С этого места открывался чудесный вид. Дорога, каменистые поля, а в горизонте горы, не затнутые сегодня туманом, выступающие плотными массивами, четкими силуэтами.

Художник встал за кисть. Но он долго не прикладывал ее к полотну. Пришел в себя и начал рисовать в существующих перед ним пейзаже, бросал иногда взгляд на еще чистый холст, что-то изучая, соразмеряя и словно беседуя с родной природой. Наконец, решительное движение — и работа началась. В это время я подошел к авторитету 1942 года. Тот же строгий, острый взгляд, тот же уверенный, властный жест руки, сжимающей кисть. И поражающая для 80-летнего человека яростная, акроменталярная энергия. Сарьян начал рисовать с меня. И начался большой этюд. На полотне возник дивный облик осени: неяркие солнечные лучи; красочный перелет равноценных полей, могучий хор величественных вершин армянского нагорья, высокое, бездонное небо. Все тайны своей красоты природа словно сама раскрывала своему ученику и поэту, преобразившая в это полотно, ставшая еще более прекрасной и чудесной. Поздравив меня и Сарьяна восхищенными глазами на старого мастера, кончаясь его седой юности, вечно трепещущей сердцу, неиссякающей с годами гармонией любви к людям и земной красоте...

А. МАРТИНОС

В тот далекий год моего детства отец работал прорабом на строительстве крупного саратовского завода. На лето мы с мамой поехали к нему. Отец привел комнату в маленьком одноэтажном доме с чадным садком рядом с базарной площадью.

После восхода нашего приезда сын квартирных поэтов, высокий, серьезный мальчик в крутых очках, года на два старше меня, показал мне свою коллекцию бабочек. Он хранил ее в плоских картонных коробках из-под детской игры с загадочным названием «Ричи-Рачи». Наклеенные иголками на картон, с распластанными крыльшками, похожими то на лепестки цветка, то на тончайшие шпалы, то на бархатку, то на качки яркого, нестерпимого цвета, бабочки были очень красивы. Я никогда не думал, что бабочек так много и они такие разные. Я смотрел на них и понимал, что отныне не смогу жить, если не соберу такой же коллекции. Что привлекло меня? Красота ли этих бабочек, предопределение или азарта, или и просто дал захватить себя чуждой вдохновенности.

А мальчик в крутых очках с губками, хотя и сдержанным увлечением рассказывал о своих сокровищах.

— Вот «уральский махаон»; у бабочки яркочерная, изящно и остро удлинённые крылья крыльшки с темным бордюром. Вот «белый махаон»; он еще крупнее, чем уральский, но летит меньше. А вот «траурница»; темно-коричневые крыльшки обведены белой каймой с черной полоской по краю. Вот пестрячки «аванес-це», другую — «аванес-лаита». Вот «мармориная»; ее крыльшки, подобно мармру, покрыты сложным рисунком. Желтая «камонница». Бельничка с черными полосками — «боярышница». Вот эти, будто вытертые углем, так и называются «черными». А дальше мелочь — разные мотыльки.

Я благоговейно слушал, и каждое название вымученно ложилось в память.

Покончив с дневными бабочками, хозийский сын перешел к ночным:

— Видишь, надкрылья у них серые, окрашены только нижние крыльшки. Когда они садятся на ствол дерева, то складываются кончиком, так что их не отличишь от коры. Вот «розовый бражник», вот «голубой», а этот «молочайный» — вот какой зловонный! А вот самая главная... — Мальчик вынул из стога пахнущую коробку мелководно открыл. «Мертвая голова!» прогнусил он тихо и таинственно. — Видишь на спинке череп?

Я смотрел на огромного ночного летуна с черными расплодом верхних крыльев и нижней желтеной округлых нижних крыльшек, с волнистыми, топающим телом и готов был увидеть не только череп, но и целый скелет. Я был околдован.

Хозийский сын собрал свои коробки и тщательно завернул в газетную бумагу. А на следующую день он уехал за Волгу, в широкую степь. Я же раздобыл жареную проволочку и нитку, стал сооружать сачок: покупные сачки,

по словам хозийского сына, годятся лишь для ловли гусениц...

Целый месяц я прожил, как в тумане. Я совсем не замечал кипучей жизни реки с ее большими высокими пароходами, длинными караванами барж, парусниками, лодками. Мне внимание было приковано лишь к песчаному островку, густо поросшему шиповником: там трепыхалась в воздухе желтая бабочка «аммонница» да нестерпимая с рыжками — «боашиж» и «малых оранжевых». Я совсем не знал ящур, на которой жил, но до сих пор отчетливо помню все девять «остановок» — так назывались в Саратово девять дачных поселков, связанных между собой и с городом одноконечной линии пригородного трамвая, — где приобрел лучшие экземпляры дневных и ночных бабочек.

Вначале мы с мамой отживались ездить лишь до пятой остановки. Трамвай ходил редко и нерегулярно, порой что-то портилось в них, и они на дачные часы замирали на путях. Каждая поездка грозила опасностью по вернуться в тот же день в город. И все же мы подавались дальше и дальше. Нипа отъезды были вознаграждены: в каждой остановке, близ красочного ботаника, гадящегося из травы голубым, как незабудка, глазом, я открывал сумку медлительного, низко и плавно парящего «белого махаона», а несколько дней спустя поймал тут же его более летного уральского собрата. Правда, за этим ловком и стремительным, не возмущаясь высоты летуном мне пришлось немало побегать. Трясая или четвергая телом я его из виду и хотел было прекратить погоню: простор выкривился вдруг густой, мертвящей тенью, и сонно забормотал куда-то прочь. Но тута прошла стороной, вновь заблестела солнце и в его луче дразничерный золотым автиском зарека уралец. Наконец, запылавшись, потный, расстрепанный и счастливей, я показывал маме свою добычу.

— Это «молочай»! — с уальской спросила мама, азартно следившая за страстным моим увлечением.

Несмотря на все мои усилия, коллекция росла медленно. Много бабочек пропало из-за моей неумелости. Дача преобразилась в комарица: бабочку надо расплывать с помощью полосок бумаги и бувалок. То я слишком грубо расплывала бабочкам крылья, они обрывались; то бумажные полоски стирала нежную шпальцу; и бабочки выходили из расплыва поглаженным; и слишком рано снимала закреплял, и крыльшки складывались парусом, а при попытке разлепить их ломались. Так погибли первые мои «махаоны», несметное число крошечных, хрупких мотыльков и даже маленькая «траурница».

Отвращение мое было так велико, что мама решила везти меня на последнюю, девятую остановку, откуда, по уверению отца, не вернулась еще ни один трамвай. К полудню, пропущав чаша два по лесным дорожкам, мы оказались в захваченной, благоустроенной тишине великолепного соснового леса. Голубоватые, прямые, клубящиеся пылинками лучи солнца, словно про-

жесторки, просвечивали плотный строй высоких, как на подбор, матчевых сосен.

Я подобрал крепкую палку и, колотя ею по стволам сосен, двинулся вперед. Сосны коротким звонким эхом отламывали на удары, с восторгом осылались, взлетало, вывалило у меня сладкую дробь. Наконец, словно крупная шелушина своей коры отделилась от одного из стволов, протрещавшая в воздухе, перелетела на другую ствол и свалилась с ним. Лишь на краткий миг в сером трепещущем шелушинном мелкой гонимой пестрышки, и я уже не сомневался, что это «молочайный бражник».

Я кинулся к сосне, но «бражник» так замаскировался, что его невозможно было обнаружить. Тогда я ударил палкой по стволу — «бражник» перетерло, не выдержав, но на меня нахмурился целый рой ос, гнездовавших на сосне. Казалось, в одну секунду мне сделали все прививки — от осы до противостолбнячной. С диким воплем, вышвырнув палку, я бросился назад. А громадные выскочившие осы крестно гудели надо мной, то и дело жали голову, шею, плечи.

Весь искусный, прибежал я к матери.

— А знаешь, — сказала мама, — ведь «бражник», наверное, так и сидит себе на сосне.

Предельно и благодушно взглянув на свою азартную мать, я снова направился к сосне, где хоронился «бражник» и с грозным гудом облаивала свое гнездо оса. Теперь я прибавил палочком, используя для укрытия каждый кустик, каждую впадину и буторок. У масляной, пушистой, нежно-зеленой елочке, шагах в четырех от сосны, я залег и стал обзирать ствол. Как ни внимательно приглядывался я, ничего, кроме аловых заусениц коры, обнаружить не мог. Но постепенно глаза мои обрели удивительную зоркость: я различал уже всевозможных жучков, сверлящих в коре свои тонкие ходы, муравьев, сплуживших по коре в поисках строительного материала, и совсем крошечную, с муравьиный глаз, черную и блестящую, как антрацит, бужакину, рядом с которой красная божья коровка казалась величиной с дом.

И тут я увидел «бражника», и второго, и третьего, и четвертого, все сосны была усевена «бражниками». Ожестив от дурнования ветра шелушинку, облетев перетруженную галзу, я снова взглянул, а когда вновь посмотрел на сосну, то и впрямь увидел настоящего, единственного, своего «бражника». Он медленно полз вверх, подгибая крылышки и шевеля усиками. Еще немного, и «бражник» поднимется так высоко, что мне его уже не достать. В два прыжка я достиг сосны и накрыл ладошкой щедро встретившегося летуна. Затем осторожно отнял его от ствола и кинулся бежать.

Снова гудели надо мной разъяренные осы, снова козали свое горючее, острое жало в лицо, шею, плечи. Но я и не чувствовал боли: в кулаке у меня стрекотал живой, тугой, неуловимый летун!

Вернувшись мы поздно ночью с каким-то шумом, заблудшим граммом. Отец ждал нас на улице.

Теперь в моей коллекции не хватало лишь королевые ночи, таинственной и жуткой «мертвой головы». Хозяйский сын говорил мне, что «мертвую голову» можно поймать только

на свет фонаря. И начались ночные бланки. Каждый вечер выходил я в сад с большим жестяным фонарем. Здесь я просиживал часами, сам, как и фонарь, ослепленный слепящейся со всех сторон молшарой и мотыльками. Творил, освещенный фонарем, а тень покрывала; я задвигала и потом долго слышала, как стучит во мне сердце.

Однажды я задремал, сидя у фонаря. В полусне мне виделись какие-то странные летучие существа, они прихвядывались, то птвичьи, то крылатые ищущими, то ластыны. Но всякий раз, как летун приближался, я видел череп с черными ямами глазниц и зуюку шею рта. Поначалу эти реоцие призраки не пугали меня, затем я вдруг резко вздрогнул и проснулся. В упор наивысшей оторочности чужих глаз в глубине их мерцало по золотому ядрышку. Я смутно различал крупные своды надбровных дуг, странную, шевелящуюся, походящую на губку мякоть хара и короткий блеск мохлякушного в зевке рта.

«Мертвая голова!» — вскрикнул я и взмахнул сачком. Губчатая морда вскнулась, обнажив худую, длинную шею, золотые ядрышки утонули в черноте зрачков, короткий фырк — и на меня извержся целый фронт пенных и толстых брызг.

Мимо нашего дома постоянно гонялись к базару и с базара верблячки упряжки. Я пытался накрыть сачком верблюда, заглывшего в сад поперх невьюского забора.

Однажды вечером родителю ждал гостей. Моему отцу пришлось не вытесовало. Я надел жилку фонаря, готовясь к обычной ночной охоте, и тут услышал, что среди гостей будет легендарный Федор Сергеевич, знаменитый путешественник, живший через три года от нас. Ребяти славной чины! Я решил, что квартиру Федора Сергеевича забита чудными животными, птиц, рыб, колекциями цветов, растений, минералов, раковин и монет, старинным оружием и уварью и всякими другими чудесами, собранными им во время его странной по волеу свету. Говорили, что у него есть настоящие мамонтовые калы, гарпу, которм он убил самого большого кита, живя поипуля, говорящий на трех языках, тибетский кот и редкое животное — манусты. Мы не раз пытались заглянуть осы в квартиру, но стоившие на подоконнике горшки с кактусами и аквариумы с золотыми рыбками надежно прикрывали таинственные недра. Живя последние годы на покое, Федор Сергеевич и сейчас совершал небольшие вылазки в окрестности на то моторной лодке, то на старом мотоцикле.

Конечно, ради такого знакомства я, не колеблясь, пожертвовал ночной охотой. Гостей было много, но я никого не видел, кроме высокого, толстого старика с наругсованной кутле с короткими руками, откуда торчали большие, как лопаты, загорелые руки. Он был в холщовых штанах и огромных, разношенных саидальях. У Федора Сергеевича были соломенные, лишь на висках тропиче семейной волоса, длинные морщинистые бугорки от солнца, добрые, безоружно прищуренные глаза. Перед тем как сесть ужинать, мама, углад томившее меня желание, подпустила Федору Сергеевичу мою коллекцию.

— Ну-ну, — сказала он глумливым голосом, поглядывая большие темные руки. — Посмотрим, посмотрим...

Многие видели мою коллекцию, но никто не смотрел с такой пристальной серьезностью, как Федор Сергеевич. Он ничего не говорил, зато жестко возмущался, но для меня это значило куда больше, чем неумеренные и равнодушно восторги других. А потом он оседал на очки и стал читать названия, котормыми я, как истый коллекционер, снабдил каждый экземпляр. На лице его мелькнуло удивление, затем он вдруг незримо, со вкусом расхохотался и слял враз запозитиве очки.

— Что это? — заговорил он оковоз смех, промолвив подлазая калитчатым носовым платком. — Может, я отстал от науки, но почему это вы так пугаете себя перформальными «бобршарушами», а «бурая медведица» — «эмаронингу»? «Литонница» — это, конечно, потчино, но «желтушка» все же вернее. А что такое «авансе-ше» и «авансе-линта»? — Он еще раз со смехом повторил эти названия. — Нет, скажи-ка, любезный, где раздобыл ты эту классификацию?



Рисунок Л. Кассие.



О ТЕХ,  
КТО  
МЕШАЕТ  
МЯРУ  
И ДРУЖБЕ

— Мне так сказали... — пробормотал я.  
— Ну, так тебя обманули! — безжалостно объявил он. — Таких бабочек нет в природе. Есть группа «Аванс» же — просто армянское имя. А это вот, запомни, «взлещина», а не «придлещина». Дай я тебе записку. Я протряну ему карандаш. Исчезли привычные, сросшиеся с моим сердцем названия, которые звучали для меня, как боевой клич; названия, что пружинили мышцы, выпрягали нервы, когда, уставый, потный, я, прохладясь сквозь каменную решетку или секунду до крови крайнюю в погоне за быстрой, верткой беляшкой. Оказывается, я не ловил никакой «трауринца», я ловил «мошакшу». Может, так даже и лучше, но это открытие привнесло мне лишь горькое чувство утраты, тай и всевозможные совки, залаточки, отгвозди и шпательщицы, замещающие моих выстраданных боляршинок, алмонцид, каустицид, больших и малых овражечков. У меня отпадал целый мир, а чувствовала себя обманутом, обранным, израненным! Что с того, что теперь я знаю правильные названия бабочек! Эти названия ничего не говорили моему сердцу, они были мертвы для меня.

Я не замислился, не досадовал на хозяйского сына: ведь он был также обманут. Но моя ненависть была сосредоточена в одном Федоре Сергеевиче. Я ненавидел его большие руки, содер-жающие волосы, худую, темную шею, подер-живающую слишком маленькую голову. Он был похож на страуса. Отвратительный типич! Но и эта ненависть, расторгавшая, как вколотая, странной, горькой пустоте, сменившая недавнее страстное напряжение. Отныне самый вид парняго в воздухе мотылька стал мне неприятен. Но вся глубина моего душевной потери открылась мне через несколько дней.

Я был позлаб, на улице давно зажегся фонарь, ярко залезав в листву деревьев, но июньское небо на западе еще светело острой, бутылочно-оттенка голубовиной. Посреди двора, из хвоста облачности, росла тонкая, влажкая сосна, казалось, сама рожденная ветер: в окружающем безмолвии только ее листочки неустанно трепетали. И вдруг я увидел, как на бедную кору опустилась огромная, с легучью мышь, бабочка, сложная крылья треугольником, чуть проползла по стволу, пошла усиками и замерла. На томстой, вопиющей ширине отчетливо проступила очерченная черпа с черными впадинами глазами и цедью беззубого рта.

— Мертвая голова! — вскрикнул во мне. Я прижался, подняв руку, но только коснулся пальцем вошной спинки бабочки. Бог с ней! Потом окажется, что это вовсе не «мертвая голова», а кака-нибудь «взлещина» или «совка»... Будто уверенная в своей безопасности, бабочка сплеховой поволочка рассматривать себя, даже трогать...

На следующий день я печально сидел на скамейке, когда над забором выросла длинная, тонкая фигура Федора Сергеевича.

— Добрый день! — крикнул он.

— Здравствуйте...

— Ну, как успехи?

— Никак...

— Коллекция пополняется?

— Нет.

— Это почему же? — спросил он с живым огорчением.

— Наделал — грубо сказала я и отвернулась.

Скривилась калитка. Федор Сергеевич вошел во двор. Я видел, как ползет по пыльной земле мимо меня его длинная тень. Но вот тень замерла, уложив голову на стелу сарая, он стока передо мной.

— Послушай, дружок, — сказал он мягко и проинковенно, и я против воли поднял глаза. — Мне очень неприятно... Ты уж прости меня.

Не знаю, что больше изумило меня: дупенное его провинчивательство или то, что, сросшаяся да еще мой череп просит прощения, я месяц мальчишка. Я ни раз сталкивался с несправедливостью взрослых людей или с тем, что казалась мне несправедливостью, но никому не приходило в голову просить у меня прощения.

— Да да да...

— Ты правда, не сердишься? Ну, тогда дай вты!

Моя рука потонула в его сухой, теплой ладони, и я почувствовал, что пустота в моей душе еще может наполниться.

# НЕ МАЙЕШЬ ПОД ПАЛКАМИ, МИСТЕР КУЧЕРОВ!

Ничего проще, чем разговаривать с людьми: его общительность олланивается. Через несколько минут я уже знаю, что мир принадлежит Алекс Кучеров — шиплавник, выходящий человека в окна — оконник Колумбийский университет, считается специалистом по Советскому Союзу и работает в журнале «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт». Он лишь на время скинул перо журналиста на обязанности гйда американской выставки в Москве.

— Хуш поприветиковаться в языке, расширит свои знания о вашей стране, — говорит он с сильным акцентом. И стрелку с книжками, около которого просят друг разговаривать все новые и новые посетители выставки.

— У вас здесь много читают. Даже в метро, тако в Штатах не увидишь, — не без завети признается мой собеседник. Конечно, москвичи. Их дружелюбие поразительно! Они во многом похожи на американцев. Также же непосредственные, трудолюбивые, любознательные. Очень приятные люди.

Этот милостивый разговор, возможно, и забавил бы, если бы, я не говорил с двумя тысячами русских. Удивительный опыт американского журналиста в Советском Союзе — выведено жирными буквами на обложке одного из последних номеров журнала «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Журнал сообщает, что один из его сотрудников работал гайдом на американском выставке в Москве. Тамто он и имел возможность довольно поговорить с любым количеством посетителей. Имя автора удивительного опыта — Алекс Кучеров.

Много всяких специалистов и специалистов по русским делам побывало в нашей стране за последние годы. Даже самые что ни на есть мажорные противники СССР не могли не сказать хотя бы несколько слов правды о советских людях, подлинных в стране социализма из Балтики до Чукотки. Но Кучеров решил не повторяться. Он закрывает глаза и туло стелит и не обманывает.

Вот, например, как он описывает нашу столицу и ее обитателей.

Жизнь московской интеллигенции и одиознообразной, что для цивилизованного американца пребывание в советской сто-

лице превращается в «тяжелое испытание», вынести которое может далеко не каждый.

Почему же цивилизованный американец, приехавший в Москву, должен скучать? Чего ему здесь не хватает? Мало интеллигент! Нет, этого мистер Кучеров не говорит. Может быть, трудно попасть в театр! Нет, театры в Москве не меньше, а гораздо больше, чем я любой западноевропейской столице, и они очень хорошие.

Мало музеев, картинных галерей, стадионов, парков и т. д. Отыскать нет. Всего этого больше, чем достаточно. Тогда чего же не хватает?

Оказывается, «ночной жизни». Здесь нет танго и танго и танго, кабарэ, — совершенно констатирует мистер Кучеров. — По ночам москвичи спят, а днем все куда-то бегут сломя голову.

Бесцветны и мрачны, по мнению автора, московские улицы. Город сохранил облик военного времени.

Еще более удручительные открытия делает заезжий репортер, говоря о нашей молодежи Ююци и девицу, по его наблюдению, поголовно «парализованную» какой-то неестественной скованностью. Вы не услышите смеха и никто вам не скажет, что здорово повеселился. Как правило, мода: две люди угрюмы и неразговорчивы.

— Однажды в парке, — продолжает мистер Алекс, — я смотрел, как они танцуют. И даже здесь мне казалось, что танцующие действовали по какому-то предписанию. (!)

И так далее и тому подобно! Поразительные открытия следуют одно за другим. Есть, например, так:

«В Москве бензин до сих пор отпускается по карточкам».

Упаздая одного из московских домов мистер Кучеров увидел греющихся на солнышке старуху со спицами в руках.

«В Советском Союзе есть сринглы безриббон» — следует немедленный вывод.

Этот старая женщина зарабатывает себе на жизнь вялкой теплых свитеров и перчаток. Кучеров делает вид, будто все, о чем он рассказывает, он узнал от своих русских собеседников. Но при этом не может вспомнить ни одной фамилии, ни одного конкретного адреса. Собственно, незадачливый журналистатор — по нему и не пытаясь этого сделать. Он постоянно убеж-

МИСТЕР КУЧЕРОВ ОБЪЯВИЛОВА  
ЭТИ СНИМКИ, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ,  
ЧТО...



«...Американские машины вызывают  
сенсацию. Только богатая верхушка  
русских покупает автомобили. Про-  
стые люди не в состоянии иметь их».



«В Москве бензин до сих пор отпу-  
скается по карточкам».



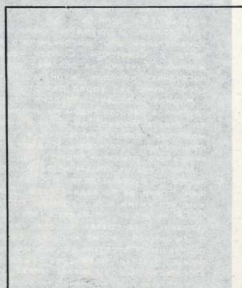
«Дети в СССР не улыбаются. Моло-  
дые люди парализованы какой-то  
искусственной сдержанностью. Вы  
не услышите смеха, и никто вам не ска-  
жет, что здорово повеселился. Как  
правильно, молодые люди угрозы и  
неразговорчивы».



— Значит, я попал в «богатую вер-  
хушку», — засмеялся Василий Палин,  
шофер грузовой автомашины. — Вот  
он, мой «Мосвичик». Только что ну-  
пил. Если мистер Кучеров не поверит,  
дайте ему мой адрес: г. Москва, За-  
городное шоссе, 16, кв. 54. — Что не  
наседает того, что американские ма-  
шины нравятся москвичам, то это  
верно. Но в американцам нравятся  
наши. «Мосвичи»-то нравятся!



Когда об этом узнала Алла Дроздо-  
ва, работница бензоколонки на Су-  
щевском валу, она спонтанно сказала:  
«Где это он ухнет! Прежде чем пи-  
сать, узнал бы...»



Конечно, здесь не уместится фотогра-  
фия всех, кто сейчас весело смеется  
над вами, мистер Кучеров!.

ден, что ему легко поверят на слово, как  
очевидцу».

Напрасно искать в «откровениях» Кучеро-  
ва хотя бы упоминания о системе образова-  
ния, бесплатном медицинском обслужива-  
нии, об обеспечении престарелых, о гигант-  
ском размахе жилищного строительства. Он  
старательно обходит эти «костры углей». Он  
знает, что если вынуть погубившее в суще-  
ство вещей и подойти к советской жизни с  
серьезными критериями, то, пожалуй, по-  
кажешь как раз обратное тому, чего ждут  
от него редакторы из «Юнайтед Стейтс  
ньос».

Набор «открытий» мистера Алекса до-  
ложен создать совершенно неадекватное  
впечатление: Советскому Союзу, несмотря  
на его успехи, еще очень далеко до «ци-  
вильзованного» Запада.

«Многие посетители американской вы-  
ставки, — ухмыляется Кучеров, — буквально  
раскрывали рты от удивления, когда я рас-  
сказывал им о жизни в Штатах».

Не знаем, насколько непосредственно  
выразили свое изумление русские собес-  
седники Кучерова, но они наверняка не  
могли сохранить невозмутимость, слушая,  
например, его рассказ о жизни американ-  
ских безработных.

По его словам, если в Америке и есть  
безработица, то в основном это она зало-  
на ком отравляется. Любая безработная  
получает, мол, огромное пособие, на которое  
он может безбоязненно содержать семью  
да еще и купить автомобиль. Кучеров  
делает вид, будто не знает о недавнем за-  
явлении Консультативного совета Нацио-  
нального комитета демократической партии  
США, в котором говорилось, в частности,  
следующее: «...для 20 миллионов амери-  
канцев — мужчин, женщин и детей, составля-  
ющих самую безработную — безработица  
означает страдания, нужду, страх и утрату  
самоуважения. Это самая тяжелая внутри-  
политическая проблема в настоящее время».

Мистер Алекс уверяет, будто ни одна  
американская семья не знает, что такое  
коммунальная квартира, не говоря уже о  
том, что каждая американская хозяйка го-  
товит пищу на совершенно отдельной  
кухне.

Но вот что увидел один американский  
журналист, заглянув на улицу Форсик-стрит  
в Нью-Йорке. «Комната площадью в  
25 квадратных метров в доме, который  
стоит уже сто лет, сдается за двадцать  
долларов в неделю. Воды нет. Зимой квар-  
тиры едва отапливаются. Холодильника  
нет; ледника — тоже. Ванной нет! И душа  
тоже. Грязная уборная и один кран на весь  
дом внизу, в прихожей... Я вошел в один из  
трехэтажных домов. На каждом этаже по  
6 манорок. Сдавал эти коммуналки, жули-  
ки-хозяева берут по 6 долларов в неделю за  
каждую и получают от этого, ищащего  
крысами здания, в котором фермер не  
решился бы поселить своих коз, ежемесеч-  
ный доход в тысячу сто долларов».

Можно было бы привести еще немало  
подобных опровержений слова Кучерова,  
сделанных его же коллегами. Но и сказан-  
ного достаточно.

Убогая зата «Юнайтед Стейтс ньос»  
приурочена к определенному сроку. Неза-  
долго до ее появления на свет Америка  
познакомилась с Н. С. Хрущевым. Мил-  
лионы простых американцев стали по-ино-  
му смотреть на Советский Союз. Они по-  
верили в миролюбивую и огромную созда-  
тельную силу Советской страны. По словам  
«Вашингтон пост», после этой исторической  
встречи «Америку захлестнула волна про-  
советских симпатий, каких еще не знала  
наша история».

«Крепнет дружба и взаимопонимание  
между советскими и американскими наро-  
дами. Простые люди, молодежь США при-  
ветствуют это».

Мистер Кучеров, не путайтесь под огла-  
ми! Не мешайте укрепление мира и друж-  
бы между народами!

С. ГОЛКОВ

Не об этой ли Москве, мистер Кучеров, вы  
говорите: «Город сохранил облик военного  
времени?»



Фото И. Грачева



# О КРАСОТЕ И ПР

У стенда с панбархатом остановилась тоненькая белокурова девушка. Неужели она собирается шить выходящее платье из этого материала? Подойдите, девушка! Посмотрите, какие чудесные хлопчатобумажные ткани приготовили к осенне-летнему сезону наши фабрики! Вместо одного дорогого платья вы сможете шить несколько изящных туалетов. Эти недорогие, обильные ткани сейчас пользуются всеобщим вниманием.

Вы хотите знать, что характерно для моды этого сезона? Прежде всего простота покроя, которая подчеркивает естественные пропорции фигуры. Общий силуэт фасонов — мягкость, плавность линий, отсутствие отделок и лишних деталей. Дамские туалеты пальто — укороченные, но обязательно прикрывающие плечи. Легкая кофачка, не очень широкая. Платья «на каждый

день» часто делают неотрезными по талии, они стягиваются широкими поясами, образуют мягкие складки. Юбки и платья выкраивают из прямых полотнищ ткани и заглаживают в свободные односторонние или боковые складки или в сборку. Чтобы такие платья выглядели пышнее, их надевают на накрахмаленные нижние юбки, а на ткани с изгибами по линии бедер настрачивают во всю ширину корсаж. Юбки из полплина, бязи, сатина с ярким рисунком носят с простыми блузками из одноцветной материи (фото 2). В таком туалете хорошо

пойти летним праздничным днем в парк или поехать за город. Модны и простые и узкие юбки. Часто их делают из светлой ткани с темным жакезом, диамеру или из шерстной клетчатой ткани для более прохладных дней (фото 3). Вам хочется шить легкое народное платье? Для этой цели хорошо подойдет бумажный накрахмал, волата или батист. Модная форма платья с дамской юбкой или с тунной особенно приятно выглядит на высоких и тоненьких девушках (фото 1). Но, вероятно, решительно всем понравится очень простой фасон платья

из кружевного полотна (фото 4). Такие платья тапера делают на подкладке, делают цветными, часто делают красную форму юбки, лифу.

Любимый народ жемчица — платье-ностом. Оно удобное, красивое, всем идет. Жемчуги могут быть самой разнообразной длины — коротенькие, типа фигаро, или до пояса, или до бедер, или самой модной длины — 12—15 сантиметров от талии, или длины популято. Кстати, популято из шерсти и полушерсти — это новинка сезона. Пальто модные свободные, неприлегающие, с боль-

шими воротниками, мягкими сниманными плечами, широкими рукавами. Вообще ширине рукава — характерный признак последней моды.

Бесной в летом нынешнего года в цветах одежды по-прежнему будут распространены голубая; зелено-вато-желтая, серо-синя, шоколадно-коричневые; цвета в моду и любимыми нашими девушками алый цвет.

Вас, конечно, интересуют и обувь! На каждый день удобнее всего туфли на низком или среднем, слегка выгнутом каблуке. К народным платьям — для танцев

На очередном кинопросмотре в Доме актера я увидел, как мой приятель раскисался с эффектом одетым молодым человеком.

— Кто это? — спросил я.— Знакомое лицо!

— Разве ты его не знаешь? — удивился приятель. — Ну, как же! Его фамилия, кажется, Кукни... а может быть, Кикин. Что-то в этом роде. Иногда актуальных товарищ. И его вижу на всех премьерах — театральных, спортивных, кино...

— Да, но кто он? Чем работает, где?

— Н-не знаю, но, наверное, имеет какое-нибудь отношение к искусству... а может, к спорту...

Кем работает Кикин-Кукни, точно никто не знал. Так же, как никто не знал его фамилии. Но на всякие закрытые мероприятия, вроде авторских вечеров отъезда на чайным столом, Кикин-Кукни проходил свободно. Пока контролеры и администраторы вспоминали, кто же он такой («Знакомое лицо!»), Кукни-Кикин веселливо говорил: «Добрый день, как поживаете?» — и проникал бес-

Борис ПРИВАЛОВ



накормое лицо

Рисунки М. Успенского.

предназначено в заветное помещение.

Я случайно побывал дважды подряд на модных премьерах, и Кукни-Кикин уже начал здраться со мной, как со старым другом: у него оказалась отличная память на лица.

Кикин-Кукни дружески подмигивал оператору, а тот мучительно морщил лоб («Знакомое лицо!») и приветливо улыбался в ответ.

Кикин-Кукни «бодял» образовательно: шлина на затылке, в одной руке трещетка, в другой — флажки с эмблемами итравочес команд.

Он выглядел эффектно, и оператор направлял свою камеру в сторону Кикина чаще, чем требовалось.

Мне припомнилось, что несколько раз я видел физиономию Кикина на экране телевизора. Так вот почему он мне показался знакомым!

Следующим мы встреча с этим таинственным молодым человеком произволил в аэропорту.

Я идял прилета друга, Кикин-Кукни словесно по залу ожидания.

Местное радио объявило: — Журналист Кукни, подойдите к диспеттеру по аэропорту.

Кукни предположительно усеялся на самолетку, где томился пассажиром, ожидающим объявления посадки в свои самолеты.

Каждые пять минут радио призывало Кикина подойти к диспет-



# ОСТОТЕ

или каких-либо торжественных случаев — хорошо иметь остроносые «лодочки» на тонком каблучке. Нескольких советов для вас, юности! Наибольшим успехом в этом сезоне пользуются местомы спортивного типа, с пиджачками в виде джемпера, без застежки или с застежкой, но без отворотов (фото 5). Длина модных пиджачков — до конца большого пальца свободно опущенной руки. Ширина брюк внизу для молодых людей остается прежней — 22—24 сантиметра. В последнее время часто спорт о летних рубашках, которые носят навыпуск. Ду-

мается, что если их делать не длинными, а веру свободными, с отложными воротничками, из тканей в клетку или с мягким геометрическим рисунком, — они будут удобны и приятны в жаркие летние дни, особенно на отдыхе. Ну, а всевозможные куртки (с меховыми или прямыми) из репса, полена, прорезиненных тканей получили уже общее признание. Итан, наше пожелание молодежи: меньше «расона», меньше отдалки и украшений, но больше простоты и продуманности во всех деталях своего наряда! В. КОВЦЕВА



Этот своеобразный туалет из шерстяной ткани с начесом удобен для прохладных дней. Фото М. Гайкина.

ному, а Кукин не двигался с места.

Так прошло полчаса. Наконец он соблаговолил подойти к окошечку и громко произнес:

— Вы меня знали? Я Кукин. Самплыи, конечно, обо мне?

— Самплыи... смутлился молоденькая дежурная.

Почти все пассажиры оглянулись на таинственного Кукина, фамилия которого наваляла в ушах. Прямиза кое-кого из знакомых, Кукин с ними эффектно раскланялся.

Оказалось, что кто-то звонил в аэропорт и просил Кукина срочно явиться в редакцию.

Тут и вспоминал, что видел Ку-

кина, выходящего из будки телефона-автомата, который стоит в вестибюле; глаза у молодого человека зорливо бегали вокруг: не подслушал ли кто что разговора? И уже печал понимая методы Кукина и мог держать пари, что он сам позвонил дежурному от имени какой-нибудь редакции.

Действительно, когда и спросил у друзей-журналистов о Кукине, то они единодушно замехали руками:

— Кукин? Он же спортсмен... или спортивный администратор... А молчок, акукооператор...

Но спортсмены калялись, что Кукин имеет какое-то отношение к театру. Театральные работники убеждали меня, что Кукин — кинематографист... Кинодержатели твердо верили, что Кукин журналист-небайканет. А художники именovali его почитительно читателям.

И только начальник отделения милиции, где была пропеша Кукина, сказал мне наконец нечто определенное:

— Знакомое лицо! Считається личным шюфером у собственно го дидюши-донента, который,

гимы пообедает, с третьим в карты перекнется, четвертого познакомит с какой-нибудь девичей легкомысленной, с пятым на банкет пройдет, шестого в театр на просмотр проведет, у седьмого денег одманит, восьмому долг отдаст, девятому шутлову доставит на курорт, десятому — номер в гостинице... Гляди, в результате Кукин одет, обут, смт, пшии, нос в табакее. Он и на скачках свой человек, и среди футболистов, и даже в Ослоде какие-то делнички обедывает. Живет, не туанит. Про таких в народе, знаете, как говорят? «Йаль, не родился ты ужом — о тебе хоть бы свиньи бока чесали». Тут уж и милиция и медицина бессильны. Вы ведь сами, наверно, при встречах с ним величественно этак шляной помахиваете... дескать, алякомое лицо, как не пошривствовать! Так ведь? Вот выходит, что и вы вроде бы его морально поддериживаете... Ну, что ж, кланяйтесь и дальше, ежели совесть поволяет...



ности, и машины-то своей не имеет. Знаем, что все это сплошной обман, но юридически, как говорится, полный порядок. Имеет право доцент содержать шюфера? Вот он его и содержит... Кукин же по профессии — алякомое лицо. Что сие значит? Да только то, что весь город его знает. Популярная, так сказать, личность. Там дефицитный товар для приятеля купишь, с дру-



# С

# 1 шаг!



Рисунки К. Неллера.



Без слов.



Прозрел...



Вынужденный выходной.

# КРОССВОРД

По горизонтали:

- Известный советский режиссер.
- Персонаж романа И. В. Гоголя «Мертвые души».
- Разновидность ячменя.
- Американский серый медведь.
- Ластовое животное.
- Народный артист СССР.
- Воздушный шар.
- Абсолютная чемпионка мира по прыжкам с парашютом.
- Стихотворение В. Маяковского.
- Цветные сочетания, характерные для творчества определенного художника.
- Академик.
- Шахматное сочинение.
- Художник-передвижник.
- Опера П. И. Чайковского.
- Русский композитор, автор популярных романсов и песен.
- Часть космического ракетного аппарата, где помещены приборы.

Составил В. АКУЛОВ (Ставропольский край)

- Итальянский мыслитель XVI века, материалист и атеист.
- Период повторения солнечных и лунных затмений.
- Южное плодородное дерево с воздушными корнями.
- Черноморский и южный морской животный.
- Провансский архитектор, скульптор.

По вертикали:

- Опера В. Беллини.
- Старинная книга большого формата.
- Сословно-государственная машина.
- Героиня романа А. С. Пушкина «Бачисарайский Фонтан».
- В древнегреческом театре площадка для выступления хора и актёров.
- Устройство для измерения скорости машины, механизма.
- Украинская женская шляпа.
- Витамин, получаемый синтетическим способом.
- Литературный роман.
- Советская женщина-космонавт.
- Международная истинно-молочная.
- Советский физик-академик.
- Советский химик-органик, академик.
- Грица с ярым обличьем.
- Советский ботаник, истинный пропагандист мичуринского учения.
- Развитие событий в художественном произведении.
- Резкое различие, противоположность.
- Угломерный инструмент.
- Родочальник советской авиации.
- Советский писатель, основоположник обличительного сатирического жанра в русском киноискусстве.
- Станция в Белоруссии, место действия комсомольского партизанского отряда.
- Ветер на побережье Байкала.



# БОТВИННИК? ТАТЬ?

Вчера всех любителей шахмат обречены в Москве и Драматическому театру имени Пушкина на Тверском бульваре, где вот уже несколько недель проходит волнующая дуэль чемпиона мира Михаила Ботвинника и молодого претендента на шахматную «корону» Михаила Талля.

Бурно развивалась борьба уже в первой партии. Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» яркий эпизод из этого захватывающего поединка, в котором победила Талль.

К такому поименованию партии пришла после тринадцатого хода белых. Вот они, играемый черными, вместо того, чтобы отстоять ранее поворочившую пешку, забрала естественный ход 13...с6 и ответила 13...с3, что привело к перевесу Талля. Почему чемпион мира отказался от хода 13...с6? Видимо, ему не понравилась продолжение: 14. Ng4 Kр7 15. K:р8 L:р8 16. Фh5, и позиция черных является сложной — но рукам и ногам» (упреждаю маневр С11 — с2 — h5). Но в расширении черных была неожиданная комбинация. Игра 16...Sc5! 17. Ф:а8 Jг8 18. Ф:г8 + Kр:р8. Он ценю двух своих пawns, закончавшего белого феря. Оригинальную позицию, которая в результате этой операции создавалась



на доске, следовало бы даже высчитать в пользу черных, так как их фигуры оказались более активными, но если мы форсированно добьемся превращения Нет, этого утверждать нельзя. Просто вариант с ходом 16. Фh5, нависшим над самым грозным, на самом деле является «дурой по воде». Как же тогда могла сложиться неприятная позиция для обоих партнеров, увидев, например, 17. Kр:р8 18. Фh7 + Jг7 16. Фh5 Ф:е5! 17. Kh5 Са4 18. Ф:г7 + Ф:г7 19. K:р8. Кр:р8 по большой материальной перевес белых (дады за колю пешку) компенсируется хорошим развитием фигур черных и их мощной пешечной группировкой в центре.

Мастер Вик. ЛЮБЛИНСКИЙ

Первая страница обложки: Лиза Никольева — лаборантка Государственного института театрального искусства имени Фучарского. Фото В. С. Куклава.  
Четвертая страница обложки: Альфред. Фотограф В. Куклава.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Секретариат — Д 3-34-24.  
Отделы — литературы и искусства — Д 3-35-24,  
очерки и публицистика — Д 3-31-68,  
информация и спорта — Д 3-36-90,  
почем — Д 3-31-69, оформления — Д 3-34-22.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Д. Николаев (заместитель главного редактора), Е. И. Рабчинко, А. А. Социн, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление С. Спасского.

Технический редактор А. Ерасов.

А 00274. Подписано и печати 29.III. 1960 г.  
Тираж 800 000 экз. Изд. № 468.  
Формат бумаги 70X108/8.

2,25 б. л. — 6,17 л. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



И. Опекунов. Ленинградские пейзажи.



